

ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ КАТЕГОРИЧЕСКИ РЕКОМЕНДУЕТ

Тунu40k
Gobline

СОЛДАТ

ИМПЕРАТОРА

КЛИМ ЖУКОВ

Клим Александрович Жуков

Солдат императора

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67148765
Солдат императора: Путер; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-4461-1951-6*

Аннотация

Это роман об имперских солдатах XVI века – ландскнехтах. Ну... в основном. Дело начинается на одной далекой планете, где юный студент Этиль Аллинар очень неудачно выступил на любовной ниве. От греха подальше его вербуют в разведку и забрасывают на Землю: собирать оперативную информацию о беспокойных космических соседях.

На Земле паренек прибил к банде вояк, думая, что в армии шпионить лучше, чем где-либо. Потому что военное дело крайне мобильно и на острие развития технологии. Удобно. С мобильностью получилось, с удобством – не очень. Тут не до шпионажа – выжить бы! А заодно попытаться рассмотреть мир Нового времени глазами современного человека.

Печатается в авторской редакции.

Используется нецензурная брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	48
Глава 3	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Клим Жуков

Солдат императора

*Посвящается Дмитрию Горdevскому и Яне
Боцман, а также моим друзьям, без которых эта
книга никогда не была бы написана.*

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Клим Жуков, 2021

Пролог

Скоро, уже совсем скоро начнется.

Солнце беспощадным желтым пауком выползает из-за края земли, стремясь занять центр ярко-синей паутины небес. Колокола на башне Санта-Мария-дель-Мар молчат, еще нет девяти утра, но жаркое марево испанского лета уже разлилось по земле. То ли еще будет. Слабый ветер с моря приносит душную влагу, которая заставляет свет преломляться, искажая идущие вдалеке фигуры.

Чуть дальше на запад начинается совсем другой мир апельсиновых рощ. Там среди деревьев прохладно и воздух напоён упоительными ароматами свежей листвы, ухоженной земли; зрелые, сильные ветви готовятся первый раз в этом году дать жизнь сладким плодам. Все в том далеком миреке наполнено радостью любви и возрождения.

Но тот мирок эфемерен, а мир, который я сейчас вижу перед глазами, более чем реален. Здесь нет прохладного тенька и сладостных запахов. Когда свирепое солнце заставит гору Монсеррат накрыть все своей тенью, даже тогда здесь не будет ничего, кроме духоты, жары и пыли. Тот мир радуется новому утру, готовится любить и дарить жизнь. Мы здесь собираемся заняться прямо противоположным: мы готовимся жизнь отнимать.

Люди, шагающие впереди, люди, шагающие позади, — они

излучают уверенный плотоядный интерес и ни капли страха. Чужая – не своя – смерть здесь и сейчас возбуждает в них древнюю, как мир, жажду крови.

О, мы с Франциско – два достойных соперника, сильных и опасных, наша схватка будет захватывающей. Если одному из нас суждено выжить, что маловероятно... о нем позаботится полковой палач посредством нехитрого деревянного устройства и хорошо намыленной веревки.

Я не знаю, что лучше в моем положении – победа или смерть от клинка моего соперника, ибо именным указом императора любые дуэли в действующей армии караются повешением, невзирая на знатность рода, звание и заслуги. Но мы, два упорных болвана, идем вперед, чтобы снять друг с друга кровавую стружку и потешить немногочисленную публику, которая понимает толк в игре клинков.

А потом, если победитель не успеет смыться до появления караула, то он спляшет гальярд с безносой прямо на центральной площади нашего славного лагеря. Ха! Суд у нас скор, в Аудиенсию¹ идти не придется.

¹ Аудиенсия – городской суд Барселоны.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/01_Karta.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/01_Karta.jpeg)

Карта Барселоны 1572 года. Несколько позже описываемых событий, но не думаю, что город сильно изменился за тридцать лет

Мы идем вперед, взбивая пыль добротными башмаками. Кто мы? Если отбросить актеров второго плана – четырех секундантов и вечно пьяного доктора, то главные роли исполняют двое, как вы уже догадались. Это я, германский мещанин Пауль Гульди, и блистательный испанский офицер из знатного рода де Овилла.

Дон Франциско де Овилла, вот он идет впереди. Тонкий, гибкий и прямой, как и толедская шпага на его бедре. И поверьте, нисколько не менее смертоносный. Яркий представитель молодой аристократии, не успевшей еще обзавестись

гемофилией, голубой кровью, белой костью и привычкой к кровосмесительным бракам.

Красивый и сильный потомок нескольких поколений бесстрашных воинов и самых прекрасных женщин, которых только они смогли покорить. В каждом его выверенном движении сквозит многолетняя привычка владеть оружием и людскими душами. Прирожденный кавалер, командир, заводила, душа компании, любимец женщин – и один из опаснейших убийц из всех, что мне доводилось встречать.

Любимец женщин? Так точно, именно женщина явилась причиной нашей с Франко ссоры. Моя жизнь снова катится к черту под хвост из-за женщины. Зарекался же, не раз и не два, – бесполезно. Мне нельзя погибать, только не сейчас, не здесь и не так.

Однако будь у меня возможность переиграть все сначала, вернувшись на два месяца назад, я клянусь, что повторил бы то, что привело к нынешнему положению вещей.

Ради лучистых миндалевидных черных глаз и тонкого стана моей цыганской колдуньи, подобного нежному стеблю диковинного цветка. Ради той, что вернула мне давно забытое и, казалось, потерянное навсегда чувство. Ради той, что хоть ненадолго сделала эту грешную кровавую землю, раздираемую на части смутами, голодом и болезнями, моим вторым домом. Ради нее я был готов на всё, и смерть – лишь малое.

Поймите меня правильно, я не поклонник дуэлей, всю жизнь старался их избегать, это глупое и очень опасное раз-

влечение, особенно когда приходится иметь дело с такими, как дон Франциско. За все годы, проведенные в армии, мне лишь дважды встречались фехтовальщики, равные этому испанскому молодчику.

Я предпочитаю держать оружие наготове, но не трясти им почем зря. Но! Я должен, слышите, должен поступать по неписаным канонам нашей братии, чтобы ландскнехты принимали меня как своего!

«Свои» никогда не спустят оскорбление. Тем более когда в деле замешана самая желанная женщина от побережья и до противоположного берега Эбро. На оскорбление «свои» отвечают вызовом и отточенной яркой сталью.

Я *вынужден* был вызвать де Овилла на поединок, а он выбрал оружие. Шпаги и кинжалы. Не мой конек. Но все бы ничего, если бы мой противник не был тем, кем он является. А он, знаете ли, не дерьма кусок, а признанный лучший клинок всей испанской армии. Герой трех дюжин дуэлей (это к двадцати-то пяти годам!) и двух военных кампаний.

Какая жалость, что раненая честь и хмель застлали мои глаза багровой яростью: хватило бы мне ума спровоцировать испанца вызвать меня, тогда в дело пошли бы двуручные мечи. Наш испанский жеребчик оказался бы на короткой корде, вынужденный играть по моим правилам.

Двуручный меч помимо умения требует недюжинной силы, я же заметно сильнее моего визави, как и всех, кого я встречал в армии до сего дня. И длинные руки ему не помог-

ли бы. Да что там, всем известно, что утонченные испанцы не блещут в сложном искусстве управляться спадон².

Ха, весь цвет Европы видел, как на турнире в Мадриде в честь коронации Карлоса I (любимого нашего императора Карла V) рыцари из Тироля и Баварии гоняли по ристалищу расфуфыренных испанских сеньоров, вышибая из них дух и спесь прославленными клинками из Пассау, и лопни мои глаза, если там были мечи короче пяти футов!

Видит Бог, я не стал бы убивать благородного дона. Похромал бы с недельку, и все. Для тела убыток, для ума прибыток, как говаривал мой знакомый купец из торгового города Любека.

Опасная это штука – сослагательные наклонения. Расслабляет. Мне нельзя расслабляться. Двуручники стоят в оружейных пирамидах, где и положено, а на поясе у меня мой «кошкодер»³. Широкий и короткий клинок, простая гарда из двух витых дуг в виде замкнутой буквы «S».

Тяжелое и надежное орудие войны. Совершенно непригодное для поединка против узкой и легкой шпаги с витой гардой и широкой крестовиной. Клинок не менее трех футов, гибкий, как гадюка. Превосходная толедская работа.

Именно такое приспособление висит на перевязи дона. Они оба выкованы для убийства. Можно было бы попытаться сломать, перерубить узкий клинок, но с одной стороны

² Спадон – *нем.* spadon – двуручный меч.

³ Кошкодер – *нем.* Kazbalger – типичный меч ландскнехтов.

в доле его написано: «Juan Ernandes Toledo», а с другой: «Espadero dell Rey»⁴, а на пяте хмурится полумесяц с горбатым испанским носом. Это означает, что сломать *этот* клинок мог бы архангел Гавриил своим огненным мечом, но не простой смертный.

Я не питаю иллюзий насчет его намерений: никакой пощады, никакого «боя до первой крови». Первая кровь, скорее всего, польется из разрубленной артерии.

Холм надежно закрывает нас от любопытных глаз в лагере, полянка глинистая, плоская, песка почти нет, рывтины и кусты не мешают. Идеально. Пора начинать. Дон Франциск снимает камзол и рубаху, ну что же, разоблачимся и мы, неторопливо, пуговка за пуговкой. Пальцы дрожат от страха или с похмелья, не разберешь, это плохо. Да, пить я тоже неоднократно зарекался.

Глядя на размытые в солнечном свете фигуры зрителей, я в который раз за многие годы задаюсь вопросом: а что я здесь, собственно, делаю? Как меня занесла нелегкая в столь нелепую и опасную передрыгу?

Не много времени осталось, чтобы поразмыслить над прожитой жизнью. И я размышляю, натягивая плотные перчатки черной свиной кожи, размышляю, слушая мягкий шелест клинка, выползающего из своего убежища в ножнах, размышляю, занимая позицию в центре невидимого круга,

⁴ Juan Ernandes Toledo – Хуан Эрнандес из Толедо (исп.); Espadero dell Rey – королевский оружейник (исп.).

описанного нашими ассистентами. Еще несколько секунд – и мысли уйдут. Место разума займет холодная, тщательно дозированная ярость.

А на самом деле как же все началось?

Хм...

В год 1534-й от Рождества Христова я, Пауль Гульди, мещанин, служивший при Павии гауптманом пехоты, был призван Карлом V, Божьей милостию императором нашим, под знамена испанской армии, куда в преддверии Тунисской кампании со всей империи сходились храбрейшие рыцари, множество Божьих солдат – ландскнехтов, добрых пушкарей и мушкетеров и всяческого прочего воинского люда без счета.

Кого же только не было среди любимых Богом и императором ландскнехтов! И разоренные крестьяне и бедняки в поисках лучшей доли, и мелкие рыцари, измученные ростовщиками, и городские ремесленники, пущенные по миру минувшей войной... и даже преступники, спасенные от виселицы или топора барабаном вербовщика. Их всех приносил под золотое знамя с черным имперским орлом горячий ветер близкого сражения, сшибал с них спесь или приниженность, уравнивал их в едином строю.

Среди них был и я, Пауль Гульди, бывалый солдат, которого лютеранские выродки едва не сожгли на костре, подозревая в колдовстве. Ха! А говорили, бесовы лютеране не признают дьявола. Ведьм жгут за милую душу!..

Нет, пожалуй, на самом деле все началось гораздо раньше, примерно двенадцать земных лет назад, совсем в другом месте. Звали меня тогда Этиль Аллинар.

Глава 1

Этиль Аллинар крадет невесту и превращается в Пауля Гульди

Когда земляне в своем далеком туманном будущем вычислят скорость света и, может быть, найдут на небосводе совсем неприметную отсюда золотистую звездочку моего родного дома, дадут ей имя или номер в классификаторе астрономических тел, потом ради интереса вычислят расстояние, которое мне пришлось преодолеть в уплату за юношескую глупость, моя история покажется им просто бредом свихнувшегося наемника. Немало психов шастает по Европе в наши смутные времена. Но я не фанатик, не мессия и не Антихрист – я несчастный идиот, вынужденный сидеть на заохлустной планете у идунов на куличиках и писать нуднейшие отчеты, которые никто никогда не читает.

Я – наблюдатель.

Моя задача – конспектировать исторический процесс для дальнейшей передачи сведений ученым. На Земле нас сейчас вроде бы двое таких приключенцев, но второго я не видел и едва ли увижу: для сохранения инкогнито наблюдателям воспрещается контактировать между собой. Наблюдателям также предписывается находиться в гуще событий, но не привлекать к себе особого внимания. В остальном мы воль-

ны жить как нам заблагорассудится.

Двенадцать земных лет назад я был студентом ксеноисторического факультета Академии гуманоидных миров в городе Сулле, что на планете Асгор. Я пошел по стопам отца, деда и прадеда, не имея тяги к профессии, но равно и иного выбора. Семья рассудила, что в армии без меня остолопов хватает. Юношеские мечты о дальнем космосе накрылись пудовыми фолиантами науки.

Учился я средне, но числился в подающих надежды. Мне светила непыльная должность в НИИ с перспективой ученой степени, а дальше как повезет. Не самое плохое будущее. Повезти мне могло крупно: Асгор показывал всему нашему рукаву галактики пример сильной державы-пастыря отсталых миров, ксеноистория снова входила в моду наряду с прочими этнологическими дисциплинами. Но не повезло.

Руководил Академией эрл Хоган из Астиленнов, что приходились недалекой родней правящему дому Ториадов, и на мое несчастье у него была дочь.

Гелиан, красотка с рыжими косами. Именно Гелиан стала женщиной, ради которой я пустил под откос свою карьеру и жизнь. Но она того стоила. Первые годы на Земле я проклинал ее сильное гибкое тело с тонкой талией и упругими бедрами, ее груди, что так уютно ложились в мои ладони, а пуще всего – чуть раскосые глаза ее, зеленющие, как всполохи северного сияния над моими родными островами. Двенадцать лет прошло – до сих пор помню ее в мельчайших деталях.

Такую забудешь, как же. Смириться мне пришлось, а вот забыть – ни за что.

Итак, мне едва стукнуло девятнадцать, и я был по уши влюблен в женщину, которой не суждено стать моей. Как минимум потому, что я не принадлежал к дворянскому роду. Однако решил попробовать.

Мои поначалу робкие ухаживания довольно скоро увенчались успехом. Гелиан на людях вела себя со мной сдержанно, с оттенком высокомерия, как подобает знатной особе, но стоило нам остаться наедине, от ее холодности не оставалось следа.

Мне хотелось большего. Я видел, как подле Гелиан вертятся мужчины ее круга, и готов был уничтожить каждого из них любым способом из своего довольно обширного арсенала. Ее отец не принимал меня всерьез, я был для него лишь очередной забавой его единственного чада. Впрочем, я испытывал к нему за это некоторую благодарность, ибо выбирать не приходилось.

Не помню, кто из моих друзей подкинул мне идею с древним ритуалом похищения невест, по которому украденная девушка либо в течение ста дней соглашается стать женой похитителя, либо по окончании срока с почетом и подарками возвращается к своей семье. Оно и неважно. По всем правилам я подкараулил Гелиан в переулке, затолкал в авиетку и увез на свои родные острова. Дурень стоеросовый. Не учел, что она привыкла к совершенно иному качеству жизни.

ни, нежели я мог ей дать.

Поначалу, естественно, все шло замечательно. Мы упивались свободой и собственным счастьем, сутками не вылезая из постели. Я напрочь забросил Академию, Гелиан училась готовить. М-да, пожалуй, готовка была единственным, что она делала отвратительно. Тогда.

А потом изнеженное создание понемногу начало ныть, пока сказочным образом не превратилось в злобную мегеру. Ей не нравился утренний ветер, ее пугала тишина, она скучала по балам и приемам, а наши семейные вечеринки вызывали на ее пухлых губках презрительную усмешку. Гелиан жаловалась на мою мать и мою сестру, которые якобы косо на нее смотрят и ненавидят. Все ее здесь ненавидят, а я – обманщик, решивший воспользоваться ею, дабы выбиться в знать. Она сетовала на отсутствие служанок и массажистки, плакала, что ее золотисто-рыжие косы тускнеют от здешнего сырого климата, и все чаще закатывала мне истерики, дескать, как я осмелился привезти ее, одну из знатнейших дам Асгора, в приполярную глухомань, где всех достопримечательностей – заснеженные скалы, темень да хронический насморк.

Я пытался ее успокоить и клялся, что найму для нее служанку, когда мы поженимся.

– Поженимся?! – взвизгнула Гелиан так, что у меня едва не заложило уши. – Ты вконец сдурел?! Ты что, думаешь, я готова навсегда остаться в этой идуновой заднице с историком-недоучкой? Разбежалась! Мой отец...

Я не выдержал, хлопнул дверью и ушел, не дослушав ее тирады. В тот же вечер, когда она немного успокоилась, подсыпал снотворного ей в чай и отвез ее обратно эрлу Хогану, не дожидаясь конца положенного по ритуалу срока.

Эрл Хоган встретил меня на пороге своего дома и явно не стремился приглашать внутрь.

– И как мне это понимать, Этиль? – обманчиво ласковым тоном спросил он, проигнорировав мое приветствие; все студенты знали эту его слащаво-ядовитую манеру задавать риторические вопросы перед бурей.

А во гневе глава Академии был страшен.

Я предпочел промолчать. Выволок сонную Гелиан из авиетки и вручил слугам. Та сквозь дрему попыталась было возмутиться, ввернула пару крепких словечек по поводу моих несбыточных надежд, но вновь обмякла и затихла. Я беспомощно развел руками.

– Этиль, ты идиот. Нет, ты дважды идиот, – эрл Хоган заметно повеселел, и перспектива бури вроде временно отступила. – Во-первых, ты спер мою дочь и не удосужился подумать о последствиях. Во-вторых, ты вернул ее раньше срока и без надлежащих извинений, так что репутация моей девочки малость пошатнется. А в-третьих, ты трижды идиот, потому что я этого так не оставляю.

– Понимаю, – сказал я.

В ранний предутренний час на улицах шумного Сулле почти не было прохожих, но я почему-то не сомневался, что

уже сегодня наша история станет главным городским анекдотом.

– У тебя прямо здесь и сейчас на выбор есть два варианта дальнейшего развития событий, – продолжил эрл Хоган с нехорошей улыбочкой. – Первый: ты вылетаешь из Академии со свистом, а твой отец теряет место в научной коллегии по самому неблагоприятному поводу, который мы сможем придумать. Фантазия у нас богатая, долго не отмоется. Второй: я, по счастью, вспомнил, что у нас на Земле недобор персонала, а ты писал научную работу о влиянии эмиссаров Асгора на ранние стадии формирования северных культур. Хорошая работа, кстати, герцог Леданэ одобрил. Так вот, довольно давно один наблюдатель погиб в заварушке с каким-то цветочным названием. Не помню каким, неважно. Второй в одиночку не справляется. Лететь туда никто не хочет, шумно там, войны постоянные, антисанитария. И находится в идущей... ладно, бывает и хуже. Планетка забавная, скучать не придется, жалованье вполне приличное. Академию закончишь по возвращении. И – твое решение?

А что еще я мог ему ответить?

Так я оказался в Альвхейме на годовом инструктаже у двух альвийских герцогов – Леданэ и Хаэльгмунда – и Тиу-Айшена, тоже бессмертного, как они, воспитателя рода Ториадов. Эта веселая троица много веков назад курировала асгорские миссии на Земле и с тех пор питала к этой далекой жутковатой планетке особо нежные чувства.

Сейчас, прожив двенадцать лет среди землян, я многое осознал, но многого так и не постиг. Например, странный парадокс: на Асгоре испокон веков прекрасно уживаются две абсолютно разные цивилизации, не похожие ни менталитетом, ни биологией, лишь общим физическим строением тел – люди и альвы. А здесь, на Земле, представители одного и того же биологического вида радостно сносят друг другу головы из-за различий в цвете кожи, да что там, из-за религиозных догм. Зачем им такая пакость? Никогда этого не пойму. Глуп, наверное.

Междоусобные войны царьков, князьков и мелких феодалов я могу понять: власть, деньги, земли, – у нас самих в истории хватало местечковых конфликтов, еще веков двадцать назад. Но религиозные – нет. Почему-то асгорцам никогда не приходило в голову устраивать геноцид альвам, которые верят в каких-то своих богов или идун знает во что еще.

Нам и так хорошо. Нам в общем-то не мешает, что альвы практически бессмертны и что их цивилизация по развитию превосходит нашу на сотни тысяч лет. Их родной мир погиб в незапамятные времена, альвы переселились на Асгор на заре нашей истории, когда Великий Ясень был еще тоненьким деревцем, а первому из Ториадов, сыну Души Древа и безымянной альвийки, едва исполнилось пятнадцать лет. В уплату за гостеприимство научили нас летать к звездам. Всему научили. Неплохая, я считаю, сделка с пожизненной арендой половины материка.

Мне повезло родиться в уравновешенном мире с централизованной монархией. У нас за много тысячелетий никто не осмелился даже заикнуться о реформе власти, ибо надо быть психом, чтобы пытаться сместить род Детей Ясеня, естественных симбионтов великого Древа, укрывающего наши миры от всяких напастей из космоса. Без Ториадов все наше громадное государство обречено. Так пишут в книгах, так говорят в школе, и пока ни у кого не возникало энтузиазма проверить легенду на истинность.

– Удачное стечение обстоятельств, не более, – ответил мне Хаэльгмунд, когда я попытался изложить ему свои выводы на второй день после приезда в Альвхейм. – Асгор – уникальный мир. У нас есть символ – Ясень. Остальное подстраивается под него в максимально комфортном для всех ключе. У нас единая история и единая мифопоэтика. Что было сперва? Пришли некие ассуинн, бессмертные, и привели с собой народ. Кальмару понятно, что где-то что-то стряслось – катастрофа или перенаселение, – что послужило отправной точкой колонизации Асгора. Где – оно по сей день неясно, колонистам основательно почистили память. И кто такие ассуинн – тоже неясно. Леданэ вон помнит одну из них, Печальную Королеву. Именно она отдала альвам земли по западному берегу реки Дэллит в обмен на обещание пестовать цивилизацию людей. Я родился на двести с лишнем лет позже Исхода, уже на Асгоре, потому довольствовался его рассказами. Зато предельно понятно другое: один из ассуинн

остался, чтобы стать Душой Ясеня, и оставил здесь своего сына, чтобы тот продолжил генетическую преемственность связи с гигантским биологическим артефактом. В остатке мы имеем двухкомпонентное общество, целостное изначально. А на Земле все сложнее. Начать с того, что она задумывалась как совместный проект с разобщенной ментальностью и полным отсутствием искусственных коммуникаций и была реализована из рук вон плохо. И, наверное, потому она мне всегда нравилась. Совершенные творения скучны. Если тебя это утешит, я тебе даже завидую.

Я хотел было спросить, почему в таком случае он торчит на Асгоре, а не сидит на распрекрасной своей Земле, но вовремя прикусил язык. Мы давно не замечаем наших различий с альвами, но различия от этого никуда не деваются. Альвы прекрасны тонкой инфернальной красотой нелюдей, но более всего их выдают глаза. Длинные раскосые глаза, лишённые белков и зрачков, словно наполненные сияющим светом. В них совершенно не хочется смотреть дольше одной секунды.

– Ступай к Тиу-Айшену вниз. Начнет учить тебя верховой езде и проверит, что ты умеешь. Хоган говорил, ты увлекался фехтованием, – герцог прищурился и отодвинул пальцем тяжелую бархатную штору, рассматривая двор за витражным стеклом. – Ты же видел лошадей? Мы завезли с Земли в свое время. Они так и не стали популярными на Асгоре, только как красивые экзоты. Жаль. Эстетика имеет свойство

частично отмирать в угоду техническому прогрессу. С появлением авиеток у нас даже койры почти вымерли, никто на них уже не летает. Так, молодежь в основном балуется. Помнится, мы их сдуру на Землю приволокли, так они разлетелись. Потом их со временем понемногу перебило местное население. Так что рыцарские сказки о драконах – не только отражение хтонических образов из глубин бессознательного, хотя сдобрены известной долей творческой гиперболизации.

С улицы донеслось приглушенное ржание инопланетного животного, с которым мне предстояло научиться управлять-ся.

– И много вы еще оставили землянам... хтонических образов? – попытался сострить я.

Альв рассмеялся и произнес какое-то непонятное слово на одном из земных языков. Наверное, тем самым хотел сказать, что много.

В последующие несколько месяцев я неоднократно благословлял своего отца, который с детства привил мне любовь к боевым искусствам. Я хотел в армию – армия требовала серьезной физической подготовки.

Армия, правда, не хотела меня.

Когда поступил в Академию, подзабросил, конечно. Не до того было: между учебой и девушками оставался короткий промежуток времени на сон. Ходил иногда поразмяться в спортзал, но приличных соперников среди будущих ученых так и не обнаружил. Приличные соперники водились в во-

енной академии на другом конце громадного Сулле, а туда меня заносило крайне редко.

Тиу-Айшен гонял меня до седьмого пота. Многочасовые лекции по культурологии, лингвистика, верховая езда, курс полевой хирургии, биологии – все это показалось приятнейшим времяпрепровождением по сравнению с тем, что творил ежедневно по несколько часов с моим несчастным организмом седой бессмертный. По виду – старик, а на поверку... я по сравнению с ним смотрелся хуже древней развалины.

Тиу-Айшен двигался скупно, едва не лениясь, но непостижимым образом вдруг оказывался вне досягаемости опасного металла, а мой меч раз за разом находил пустоту либо скашивал сизо-зеленые травы лугов Альвхейма. Если он всех Ториадов так пестует, то я им сочувствую.

– Да в общем не все так плохо. Я думал, будет хуже, достанется мне какой-нибудь увалень, – резюмировал он после очередной тренировки, любовно осматривая чудовищных размеров двуручный меч на предмет зазубрин. – К концу года дотянем тебя до вполне приличного уровня.

Я развалился на скамейке в полном изнеможении и прикидывал, сколько этот старик мне сегодня наставил синяков. Порядком, левое бедро разве что не отваливается. У нас на Асгоре владение холодным оружием уже давно не жизненная необходимость, а скорее дань традиции. Церемониальные мечи носит на поясах аристократия. Двуручники ото-

шли в безнадежно далекое прошлое и скрылись за пеленой тысячелетий, редко кто ими увлекается. Я как раз в свое время увлекался по настоянию отца (он аргументировал свой выбор равномерным развитием мускулатуры без правосторонней асимметрии) – и кто ж знал, что пригодится? Вывезла кривая, куда меньше всего ожидал.

А земные мечи все-таки чертовски тяжелые, наши полегче будут. Штука, которой старик орудовал, как если бы она была сделана из бумаги, звалась спадонем и представляла собой громадный, почитай в мой рост, двуручник с овергардой в виде длинных загибающихся книзу усов и кованым шаром навершия рукояти.

– Приличного – по чьим меркам?

Тиу-Айшен изогнул бровь, словно я сказал какую-то нелепицу, и отложил спадон.

– По нашим, разумеется. По земным ты уже более чем хорош. Там сила тяжести на треть меньше нашей – двигаться ты будешь легче и быстрее, чем здесь. Главное, не расслабляйся, а то быстро адаптируешься. Ты на генно-физиологическом уровне гораздо сильнее большинства землян, наши приемы боя, равно рукопашного и мечного, совершеннее, но здоровый перфекционизм никто не отменял. Согласись, нам не улыбается, чтобы какой-нибудь уникум тебя все-таки пришиб, пока Хоган не сменит гнев на милость и не отзовет тебя обратно. Этого, кстати, может вообще не произойти, – он издал сухой саркастический смешок и потянулся,

расправляя спину; под складками мешковатой серой хлябиды с вышитыми символами Ясеня обозначились абрисы рельефных мышц вовсе не стариковской фигуры.

— Но почему тогда именно двуручник? — я кивнул в сторону смутно поблескивающего на утреннем солнце чудища оружейной мысли.

— А очень просто, — бессмертный ехидненько усмехнулся. — Понимаешь, в том месте, куда ты отправляешься, спадон — элитное оружие для немногих. Владение им автоматически дает тебе статус... альфа-самца.

О перспективе быть однажды убитым я дотоле как-то не задумывался, потому взялся за дело с удвоенным рвением. Через полгода мне даже удалось свести один из наших тренировочных поединков к моей победе, и именно эту победу я до сих пор, по прошествии многих лет, которые я провел бурно и небескровно, считаю самым большим своим достижением.

До меня иногда доходили обрывочные сведения о Гелиан. Она затерялась в круговерти светских раутов и вовсе забыла о моем существовании. А я вот не мог. Когда отошла обида, ее образ еще долго тревожил мои сны. По сей день тревожит. Земляне и асгорцы говорят, что любят не за что-то, а вопреки.

От нее так и не пришло ни весточки за весь год, в течение которого два альва и один человек пытались сделать из меня землянина, ни за все двенадцать лет, пока я пытался стать

землянином самостоятельно.

* * *

Челнок высадил меня в предгорьях Альп во время страшной грозы, недалеко от маленькой германской деревушки. Экипировали меня убористо, но славно: в седельных суммах лежали две перемены одежды, неприкосновенный запас лекарств, позволивший бы вылечить от любой местной хвори, от которой мне по случайности не сделали прививку, изрядная сумма подъемных и множество мелких вещиц, призванных облегчить мне жизнь и связь с теперь уже далекой родиной. Дали мне и коня, выращенного на Асгоре, а потому гораздо более выносливого, нежели земные лошади. Меч наказали по возможности не терять, во избежание исторических казусов в будущем: сплав существенно отличался от тех, что использовали на Земле.

То была ранняя весна 1522 года. Венгрия воевала с турками, султана Селима I Явуза недавно сменил на троне его сын Сулейман I; Мартина Лютера отлучили от римской католической церкви указом папы Льва X; датского короля Кристиана II осыпала проклятиями вся Европа за Стокгольмскую кровавую баню; экспедиция Магеллана заканчивала первое в истории кругосветное плавание; испанские конкистадоры в поисках наживы громили древние города ацтеков, инков и майя; на Руси шли сражения с Казанским и Крымским хан-

ствами, подходила к концу война с унией Ягеллонов; Священной Римской империей правил Карл V, восшедший на престол после деда своего, покойного Максимилиана, и по славной традиции германских императоров в очередной раз принявшийся покорять Италию; английский престол занимал добрый король Генрих VIII – безжалостный кровавый протестант. Вот такое это было время.

Мне показали дорогу, повторили предписание «не сдохнуть, но лучше сдохнуть, чем существенно засветиться в земной истории», пожелали удачи и отпустили.

То, что мои соотечественники означили гордым словом «дорога», в лучшем случае тянуло на грязную разбитую тропку между скальными отрогами; некое направление неизвестно куда сквозь темень, прорезаемую вспышками молний, и хлещущий холодный дождь. Перестарались наши с маскировочной грозой. Гроз здесь в марте быть не должно, автохтоны наверняка решат, что приближается конец света. Что там Тиу-Айшен говорил про здоровый перфекционизм?

Хм! Хорошо бы местные не связали страшную грозу во внеурочное время с появлением чужака, иначе моя миссия рискует закончиться, толком не начавшись. Меня, правда, обнадежили на последнем инструктаже, что народу здесь негусто. Кстати, если задуматься, и не факт, что это хорошо, – мне грозит стать объектом повышенного внимания.

Задумывался я о всяком.

У меня было достаточно времени перебрать десятки ва-

риантов скоропостижной кончины, пока я хлюпал по грязи, ведя на поводу ошалевшего от чужих запахов коня. Его перед высадкой предусмотрительно напоили успокоительным, потому толку от него не было никакого, разве что не мешал, только прижимал уши и всхрапывал, иногда застывая на полушаге.

Спустя три часа, промокший до костей и продрогший, я оказался у дверей неказистой придорожной корчмы, амбициозно поименованной «Герб Эрбаха», каковой, по всему видать, и болтался на одной петле над входом. Что он собой представлял, в темноте разобрать не удалось. Я и не пытался.

Внутри было душно, темно и дымно от чада масляных фонарей – и непередаваемо, феерически грязно. Каминная труба, которую я заметил с улицы, судя по всему, выполняла исключительно декоративную функцию, так как дым выходил куда угодно, только не в дымоход. Однако пространства внутри наблюдалось значительно больше, чем могло показаться снаружи.

Вопреки заверениям разведки, в таверне оказалось удивительнолюдно. Центр зала занимала шумная, вызывающе одетая компания, с энтузиазмом поглощающая еду. Мне сразу бросилось в глаза устрашающее обилие разнообразного холодного оружия, которым были увешаны постояльцы и которое в избытке расцвечивало пейзаж кабака. Между посетителями таверны и центральной компанией существовала хорошо заметная дистанция – простой люд опасливо жался

к стенам и старался не попадаться молодцам на глаза.

Дождь прекращаться не собирался, деваться мне было некуда, и я решительно зашагал к стойке. М-да, самое время для первой языковой практики. Так, я вроде в Германии, значит, надо говорить по-германски... то есть по-немецки. И какой из шести языков, кои Тиу-Айшен впихнул в мою голову, – немецкий? Ага, разобрался. Ну, поехали.

– Хозяин, мне б пожрать, попить и переночевать. В идеале – без клопов, – я попытался придать своей физиономии максимально независимое выражение.

– Парень, тебе попить или выпить? – Хозяин мрачно насупился. – Попить – бесплатно с конями. Поилка во дворе.

Компания сзади дружно заржала.

– Пива, – обреченно сказал я. – Кстати о конях: мой у коновязи. Позаботьтесь.

В качестве подтверждения своих требований я бросил на стойку несколько мелких монет. В мутном взгляде хозяина мелькнул намек на гостеприимство.

Мест не было, я остался ждать еду и пиво около стойки.

Хозяин принес плоскую деревянную тарелку, наполненную неаппетитной бурой массой, призванной, видимо, обозначать кашу, огромный шмат хлеба и устрашающих размеров кружку пива. Так я познакомился с местной едой. На вкус отвратительно, но весьма питательно. Как говорила моя матушка, голод – лучшая приправа.

– Спать будешь на сеновале, – пробурчал кабатчик. – Там

как раз клопов нет.

Реплика была встречена новым взрывом громоподобного хохота.

Вообще с моим появлением в зале стало заметно тише, если не принимать во внимание разряды бурного веселья от «остроумных» колкостей хозяина таверны. Я спиной чувствовал изучающие и вовсе не дружелюбные взгляды, бросаемые на меня землянами.

В свою очередь, я принялся осторожно из-за плеча разглядывать весельчаков. С ними хозяин держался совсем иначе, нежели со мной. Ни намек на шутку, очень быстрое обслуживание, улыбка во всю ширину немаленькой сальной рожи. Ничем не прикрытое раболепие, так бы я это охарактеризовал.

А компания вызывала интерес.

Прежде всего, в ней отсутствовали женщины.

У нас не принято так четко дифференцировать посиделки по половому признаку, и женщины являются естественным морализатором и прекрасным украшением любой попойки; у землян, видать, иначе. Мужики как на подбор – здоровые, усатые, с крепкими натруженными руками, разряженные в... Я как ни силился, не мог вспомнить, чтобы мне на лекциях рассказывали про подобные одеяния, – да какое там вспомнить! Мне в страшном сне не могло присниться, что люди в здравом уме могут так одеваться.

Это было что-то трудновообразимое. Их могучие торсы

облекали метры самых ярких тряпок в самых чудовищных сочетаниях. Куртки покрывало множество разрезов, сквозь которые виднелась подкладка, головы украшали огромные береты и шляпы (тоже, кстати, все разрезные) с целыми ворохами перьев.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/02_1_Lankskeht_Gravura.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/02_1_Lankskeht_Gravura.jpeg)

Ландскнехт. Гравюра-карикатура Урса Графа, 1519 год.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/02_2_Gravura_Kristofa_Ambergera](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/02_2_Gravura_Kristofa_Ambergera)

Гравюра Кристофа Амбергера, 1525–1530 годы.

Легко представить, какой фурор подобные парни вызывали в обществе.

А когда один из них встал из-за стола, я увидел, что к штанам спереди приделан гротескный гульфик длиной чуть ли не больше моей ладони. На гульфике красовался щегольской бант. Ткани, насколько я успел рассмотреть, явно не относились к разряду дешевых: шелка, бархат, парча, тонко выделанное сукно. И когда первое шокирующее впечатление сгладилось, я вынужденно признал, что все это им удивительно шло.

Кажется, я чрезмерно увлекся разглядыванием и не заме-

тил, что сзади у меня появился сосед.

– Слышь, господин, ты откуда будешь? – в гнусавом лозяющем голосе слышалась неприкрытая издевка.

Ага, вот уже вполне знакомая по злочным местам моей родины беседа. Все-таки мышление гуманоидов чрезвычайно однотипно.

Я нарочито неспешно обернулся и обнаружил худенького паренька лет четырнадцати, нагло ухмыляющегося с видом полной безнаказанности. Во рту его не хватало переднего зуба.

– Дрезден. Слышал такой город? – Я старался говорить как можно более небрежно. – А ты кто и для кого интересуешься?

– Ты не нравишься мне и моим друзьям, – проигнорировал мой вопрос паренек и растянул ухмылку еще шире.

– Гуляй, малец. Твои друзья, небось, сами говорить горазды.

Все-таки перелет и гроза меня основательно потрепали, ибо я не заметил, как с другого боку от меня нарисовался еще один персонаж. Этот-то мальцом не был.

– Одет вроде как крестьянин, черт его знает, не разберешь, а меч на поясе ландскнехтский, – протянул второй, дыша пивным перегаром так, что я еле подавил желание сморщиться. Мой новый знакомый обладал удивительной манерой говорить мне в лицо, обращаясь словно в пустоту. – И трещит не по-нашему... А с кого ты, любезный, меч снял?

На сей раз реплика была адресована непосредственно мне и сказана узнаваемым тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Я машинально отметил, что землянин был выше меня на полголовы и шире едва ли не вдвое. Связываться с ним мне категорически не хотелось.

– Не снял, а купил, – поправил я деликатно. – А ты, надо полагать, – те самые друзья, которым я не нравлюсь?

– Ага. Мне очень интересно, на кой крестьянину, или кто ты там, такой хороший меч?

– Зачем да про что – мое дело. Я неприятностей не ищу...

– Уже нашел, – перебил меня верзила. – Есть мнение, и не только мое, что меч ты, любезный, не купил, а украл аль с трупа снял. Труп же тот был нашего брата-солдата и никого иного. Не люблю мародеров. И воров не люблю.

Я хотел было что-то возразить, но здоровяк повернулся к своим и трубным голосом пророкотал:

– Верно говорю, парни, не любим?

– Не любим! – дружно взревел центр таверны, оказывающаяся, успевший за нашу недолгую беседу вылезти из-за столов и разойтись полукругом.

И тут верзила, неожиданно развернувшись обратно, резко и страшно влепил мне кулак в лицо.

«Ну, и где моя реакция?»

Эта мысль успела промелькнуть в моей голове, пока я летел по направлению к стене. Еще я подумал, что неплохо было бы сгруппироваться, но не успел.

Когда мой взгляд наконец сфокусировался, я разглядел сквозь радужные пятна, что землянин снова навис надо мной, намереваясь угостить добавкой, но уже по-настоящему. Добавки не хотелось; жесткий носок моего ботинка впечатался чуть ниже роскошного гульфа моего неожиданного оппонента. Некрасиво, но действительно: мне показалось, что он вдруг вдвое уменьшился в размерах, а потом с грохотом свалился на пол. Ему явно было нехорошо. Я чувствовал себя не многим лучше.

Пока я силился встать, опираясь руками на стену, компания взревела и дружно двинулась ко мне, расшвыривая на ходу мебель. В руках заблестели ножи. Кажется, дело начинало принимать скверный оборот. Мысли о преждевременном окончании моей миссии грозили оказаться пророческими.

И угораздило же меня в первом попавшемся кабаке наткнуться на подгулявших солдат! Ситуация до смешного походила на случай в армейской забегаловке, куда меня по дурри занесло на первом курсе. Я решил выпендриться перед товарищами, уселся за стойку и, слово за слово, разговорился с симпатичной барменшей и еще более симпатичной соседкой справа. Барменша оказалась зазнобой здоровенного матерого космолетчика из дальней разведки, а соседка справа – новобранцем отряда орбитального патруля.

Обе стороны узрели во мне угрозу душевному спокойствию их подруг и вознамерились повыдергивать мне конеч-

ности, на что я, каким-то чудом сохранив спокойствие, предложил не затевать мордобой и цивилизованно пройтись за угол. Прежде, конечно, так же отлетел в стену. С разведчиком мы впоследствии подружились, а с патрульными все же подрались. Но там, далеко-далеко, на Асгоре, никому бы и в голову не пришло меня убивать.

Здесь же ситуация иная. Эти люди жаждали моей крови. Я прикинул, скольких могу вывести из строя, пока не порешат меня, – двоих-троих, если сильно повезет, – и перспектива обрисовалась совсем уж мрачная.

Спасение пришло с совершенно неожиданной стороны. Из-за спин ярящейся солдатни раздался негромкий голос, разом перекрывший шум в зале:

– А ну стоять, сукины дети! Разберутся, не маленькие. Ножи попрятали быстро, и по местам.

Солдаты как-то разом успокоились и расступились. В образовавшемся просвете я увидел бритоголового бородача, который единственный из компании остался сидеть на прежнем месте. По левую руку от него на столе покоился внушительный меч. Бородач размашисто опрокинул кружку пива себе в глотку и басовито рыгнул.

– Кабан дело начал – он и закончит. Но на улице. – Для пущей убедительности он хватил кружкой по столу. – Во двор. Оба.

– Какого черта, Конрад, там же льет! – просипел из-под стойки тот, кого, видимо, и звали Кабаном.

– Самое то. Охладитесь. – Лысый добавил длинное цветистое выражение, смысл которого от меня ускользнул. Какая-то комбинация из кошачьего дерьма и странного генетического сочетания собаки и свиньи.

И что-то в негромком голосе Конрада было такое, что ноги сами понесли меня на улицу. Вслед за мной вышел Кабан и вся честная компания, расположившаяся под навесом с коновязью. Из приоткрытой двери высунулась любопытная физиономия кабатчика.

Дождь хлестал еще пуще прежнего.

– Donnerwetter, вы когда-нибудь видели грозу в марте? – проворчал кто-то под навесом сквозь общий гомон.

– Ох, ну только не начинай опять старую песню, что нам сия кара за грехи поганных лютеранских еретиков! – ответили ему.

Шутка была встречена дружным гоготанием. Посыпались не совсем понятные мне скабрёзные замечания на околотеологические и физиологические темы.

Конрад оттеснил кабатчика и вальяжно выбрался на улицу.

– Ну, и чего мы ждем? – недовольно спросил он, морщась от падающих на лицо холодных капель.

– Мож, я его того, выпотрошу? – предложил Кабан.

Кажется, он вполне оправился от моего пинка, и вся его багровая рожа так и полыхала боевым духом.

– Не годится. Снимай меч. И ты, кстати, тоже, – Конрад

посмотрел на меня. – Побудут у меня от греха подальше. Хоть насмерть друг друга уделайте, но ручками, ручками. Как начали.

После того как мечи перекочевали к Конраду, я решил не церемониться. Двигаться здесь и вправду было очень легко – сказывалась пониженная гравитация, – словно я стал легче на треть. Кабан был невероятно крепким парнем здоровой деревенской закваски. Двух первых ударов в корпус он почти не заметил, а мне показалось, что я пытаюсь прошибить кулаком древесный ствол.

Мне нисколько не улыбалось покалечиться в первый же день на Земле, и я благоразумно помог ему поскользнуться на грязи, когда он попытался повторить свой фокус с ударом левой в голову. Я резко присел, перехватывая летящий на меня кулак и фиксируя локоть. А дальше все просто: Кабан споткнулся о мою услужливо выставленную ногу и полетел мордой в грязь. На этом, собственно, наш поединок и закончился, так как я упирался ему коленом в спину, аккуратно заламывая плененную руку.

– Лихо! – неожиданно радостно пробулькала Кабан, приподняв лицо из лужи; навес одобрительно ухнул.

Конрад, с крыльца наблюдавший за нашими упражнениями, хлопнул в ладоши.

– Хорош. Эй ты, как там тебя, руку бойцу не вырви, она ему скоро пригодится. Все в дом. – Он открыл было дверь, но снова обернулся ко мне: – А ты подсядь-ка за мой стол.

Есть разговор.

Я слез с Кабана и помог ему встать. Ландскнехты потянулись в корчму, я же продолжал стоять под струями дождя. Меня здорово поколачивало. Первый раз попал в настоящую переделку. Хорошенькое начало.

– Чего встал как примороженный? Пошли, да! – Кабан дружески хлопнул меня грязной лапищей по плечу и бодро потопал за своими товарищами.

А я поплелся за ним.

Компания солдат как ни в чем не бывало продолжила прерванный ужин. На меня уже никто не обращал внимания. Кабан, раздевшийся по пояс, сидел во главе стола и шумно делился впечатлениями. Мелкий задира-барабанщик волчком вертелся рядом, норовя урвать со стола кусочки повкуснее и не попасть под затрещины. Прочего люду в таверне значительно уменьшилось, предпочли утечь под шумок, как только в воздухе запахло дракой, дабы не нарваться на разгоряченных вояк. Оно и верно. Я бы сам с удовольствием куда-нибудь утек.

Конрад перебрался за маленький столик в углу за камином, прислонил к стенке мой меч и повелительным жестом указал на стул перед собой.

– Звать тебя как?

– Пауль, – ответил я. – Из-под Дрездена. Фамилия у папашки была Гульди, стало быть, и я Гульди.

– Садись, Пауль Гульди. Второй раз просить не буду, – Ко-

град нахмурился и метнул на трактирщика тяжелый взгляд. Тот с небывалой скоростью понесся в кладовую. – Приходилось мне бывать в Саксонии, и будь я проклят, если ты родом оттуда.

Я опешил. Хорошо же у нас работают наблюдатели, что первый попавшийся необразованный солдафон моментально раскусил мою легенду.

– Но мне плевать, – мудро добавил ландскнехт. – Парень ты странный, одет как пугало, и правда не разберешь, то ли крестьянин, то ли из города. Говор твой вообще не узнать, окаешь как швед, но картавишь почти как француз. Видно, издалека.

Ха, если б он знал, *насколько* издалека!

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/03_1_Konrad_fon_Bemelberg.png](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/03_1_Konrad_fon_Bemelberg.png)

https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/03_2_Konrad_fon_Bemelberg.jpeg

Конрад фон Бемельберг, портрет 1582 года в доспехе
1540–1550 годов

Я открыл было рот, но Конрад взмахом руки остановил.
– Я продолжу, а если ошибусь – поправишь. Значится так, ты нездешний, повторюсь, откуда ты – мне плевать, не хочешь – не рассказывай. Одно вижу: ищешь, куда б прибиться, а прибиться тебе некуда. Я пока солдатствовал, бродяг много повидал. Вот что еще скажу, – промолвил он, не получив от меня возражений. – Мы, ландскнехты, тебя ничуть не лучше. Даже те, у кого есть теплый дом и толстый кошелек, ищут, куда приткнуться, а друг от друга все одно никуда не деться. И выходит по всему, самое место тебе у нас. Здесь

тебя никто не спросит, кто ты и откуда, всем насрать. Лишь бы не бздел и мечом владел. Штуку не просто так носишь?

Я утвердительно мотнул головой, все более удивляясь проницательности простоватого рубаки. Конрад, видимо, удовлетворился ответом и вытянул мой клинок из ножен, повертел так и сяк, попробовал клинок на изгиб, проверил пальцем заточку. На коже тут же выступила кровь.

– У-у, твою мать, ну и наточили! Кабан!!! А ну хорош заливать, иди сюда, посмотри, какого чуда ты лишился! – заорал он на весь зал так, что сидящие рядом подпрыгнули. – Да ты, Гульди, и в самом деле странный тип. Такие клинки я видел только на императорской оружейне в Пассау да у испанцев в Толедо. Мне на такой за год не заработать при хорошей войне. Только ни там ни там этот меч не ковали. На такой бы мастер клеймо поставил и гордился б всю жизнь. Где ковали?

– В Альвхейме, – сказал я, не придумав, что соврать.

– Шведы или, прости господи, датчане? – Конрад изогнул бровь. – Не больно-то похоже на их работу. Ну да бог с ним, захочешь – потом расскажешь, где ухватить такое чудо.

Меч пошел по рукам под восторженные возгласы и цоканье языками.

Трактирщик между тем поднес нам еды и питья. На сей раз это был аппетитный кабаньей окорок с чесноком и кувшин вина. Я удивился, насколько хозяин кабака боится этих шумных пестро одетых людей. Мне еще предстояло понять

причину этого страха.

– Вот тебе мое слово, – Конрад принялся за окорок. – Ты пока жри и думай. Не знаю, как там у вас... ха-ха!.. в Саксонии, а здесь все, у кого есть глаза и уши, знают: скоро начнется война. А значит, снова придет нужда в добрых ландскнехтах. Я точно знаю, что Георг получил императорский патент и собирает под Мюнхеном армию. Нам, стало быть, туда. А тебе предлагаю с нами. Ты парень отчаянный, здоровый, не сробел перед нашей бандой выступить. Ты ж не дурак, понимаешь, что если б не я, то прикололи б тебя как свиненка. Ну что, согласен – или еще подумаешь? Смотри, под Георгом служить хорошо, жалованье в срок, что нагребим – делит честно, и не заскучаешь. Наш старик от драки никогда не бегал.

Мой собеседник тактично отвлекся на еду, оставив меня моим мыслям.

Конечно, насчет перспективы не заскучать у меня было иное мнение. Я уже тогда понимал, что с ходу загреметь в действующую армию – не самое спокойное начало миссии. Но, с другой стороны, Конрад был абсолютно прав: бродяга я и есть, галактического масштаба бродяга, мой мир выкинул меня, как и этих людей выкинул их мир. Наемники, они везде одинаковы, а деваться мне действительно некуда. Когда я еще найду себе теплое местечко, где каждый встречный не будет интересоваться моей персоной? Легенда моя ни к бесу не годится.

Халтурили наблюдатели, оно и неудивительно. Несмотря на год подготовки, здесь я был чужаком. А этим людям что чужак я, что свой – все едино. Мечтал же я не так давно об армии – домечтался. Армия меня нашла сама в лице ватаги нетрезвых наемников и бородатого Конрада.

Как скоро мне пришлось убедиться, наемники эти были не совсем обычными.

Я глотнул для храбрости подогретого вина, щедро сдобренного диковинными местными специями, и бухнул:

– Согласен.

– Ну и молодец. Пойдем знакомиться. – Он сгреб меня за плечи и потащил за общий стол.

Разогнав всех во главе стола, Конрад тяжело плюхнулся на жалобно скрипнувший табурет и усадил меня рядом с собой, панибратски хлопнув меня по плечу.

– Парни! – возвестил он громовым басом; как же быстро он переходил от негромкого размеренного говорка к сокрушительному реву, призванному перекрывать шум битвы! – Вот новый кусок свежего мяса для доброго старины Георга!

Я счел за лучшее не переспрашивать, кто такой «старина Георг», и правильно сделал: очень скоро я узнал, что Георг фон Фрундсберг в Европе в представлениях не нуждался. В рапортах наших наблюдателей были чудовищнейшие пробы, касающиеся самых важных мест. Почему все знают этого Георга, а я – нет?!

Ландскнехты одобрительно взревели и со стуком сдвину-

ли кружки. Ошметки пивной пены оросили кости кабанчика, огрызки хлеба, грязную столешницу и ворох разноразмерной боевой стали.

Конрад представил своих спутников. Как оказалось, в таверне пила лишь небольшая часть его отряда, остальные дожидались в Мюнхене в общем лагере.

– Я – Конрад Бемельберг, гауптман его императорского величества Карла V. На будущее: со мной лучше не ссориться и точно выполнять приказы. А своих я даже черту не выдам. С Кабаном ты уже познакомился, звать его Эрих, парень он надежный, хоть и глуповат по младости лет. Ему всего восемнадцать.

Я обалдело воззрился на дюжего краснолицего детину Эриха, демонстрирующего своему соседу хитроумный фехтовальный выпад обглоданной свиной голенью. Вот уж воистину – Кабан. Земной и асгорский год разнились незначительно, меня предупреждали, что на Земле взрослеют гораздо раньше, но я не думал, что настолько! Эрих выглядел лет на тридцать, не меньше.

Народу в компании было человек сорок, имена у них зачастую повторялись, и постепенно все эти Эрихи, Генрихи, Гансы, Рудольфы и Альбрехты, а также их удивительно меткие прозвища перемешались у меня в голове. Узнать их лучше мне еще предстояло.

– Пива! Вина! И мяса побольше! – взревел кто-то из землян, когда был назван последний. – Да не вздумай подсунуть

тухлятину, а то знаешь, что будет!

Трактирщик, видимо, знал, потому резво бросился выполнять немудреный заказ.

Кружке к третьей меня окончательно разморило. Сказались перелет, долгая дорога под дождем, пережитая опасность, неожиданно сменившаяся обильной едой и выпивкой во вполне доброжелательной атмосфере. Малосимпатичные рожи моих собутыльников неожиданно показались мне милыми и располагающими. Я не заметил, как уснул.

Глава 2

В которой собирается армия и рассказываются старые истории

*Из отчета наблюдателя Пауля Гульди за
1522 год от Р. Х. по местному летосчислению*

«...Военный лагерь под Мюнхеном стоил того, чтобы его увидеть. Более того, он заслуживал того, чтобы им любовались. С высоты окрестных холмов открывался величественный вид. Адам Райсснер⁵, образованнейший человек, с которым я свел знакомство и даже близко приятельствовал, говорил, что такого эти земли не видели с тех пор, как полторы тысячи лет назад здесь проходили легионы властителя Ойкумены Гая Юлия Цезаря. В самом деле, собранная армия сделала бы честь любому владыке. Это был великолепный инструмент, выкованный в горниле тяжелых войн, жестоких битв и дальних походов, закаленный в холодной и бурной реке времени. В руках искусных мастеров он мог

⁵ Райсснер Адам – личный секретарь и биограф Георга фон Фрундсберга, оставивший его подробное жизнеописание, напечатанное в 1568 году во Франкфурте-на-Майне.

решать любые вопросы международной политики, развязывая, или, скорее, разрубая, сложнейшие узлы противоречий. Право, взглянув на лагерь, раскинувшийся у подножья гор, самый мужественный и жадный до драки военачальник или государь трижды подумал бы, стоит ли бросать вызов такой мощи.

Сколько я ни размышлял, разглядывая ровные ряды шатров и палаток, казавшиеся бесконечными, на ум приходило только одно сравнение: лагерь был похож на плотину, которая до поры преграждает путь полноводной реке. Стоит только мановением руки отворить створки шлюза, как рукотворное озеро обратится грозным ревущим водопадом, чья неизмеримая ярость сметет любое препятствие. Смотрителю плотины необходимо, всегда необходимо помнить, что слишком долго сдерживать и копить эту силу нельзя, ведь она вполне способна сокрушить и саму плотину. Так и наше войско. Один раз собравшись, оно должно было выплеснуть свою мощь на лопасти великой мельницы, которая завертится, заставляя взлетать и падать огромные водяные молоты, создавая новое историческое полотно, сминая и формируя заново судьбы стран и народов.

Боже, сколько же здесь собралось людей! Учитывая слуг, маркитанток, пажей и прочих некомбатантов, не менее двадцати тысяч! А ведь в Италии к нам должны были присоединиться еще и основные силы испанского войска, шедшие из неаполитанского королевства. У коновязей под навесами

стояли лошади. Боевые и вьючные животные – настоящие крылья армии, обеспечивавшие скорое продвижение, стремительный маневр на поле боя, неотразимый лобовой удар и быструю разведку. Здесь стояла наша кавалерия. Рыцари и дворяне со своими отрядами и простые наемники, предпочитавшие сражаться в конном строю. Повсюду слышалась отрывистая немецкая речь, часто перемежавшаяся мелодичным испанским говором. В основном, традиционно германцы формировали тяжелую конницу, в то время как испанцы – легкую. Все относительно, но рядом с закованными в сталь людьми и конями германского рыцарства испанские идалго выглядели не столь внушительно. Хотя, положив руку на сердце, признаемся, что не менее трех четвертей конных из германских земель не носили полный доспех и пренебрегали защитой для коня.

Чуть в стороне располагался плац, где ротмистры муштровали свои подразделения, добиваясь четкого выполнения команд, равнения в строю и быстрого развертывания. Тут же конные бойцы могли упражняться во владении копьем и мечом, проносясь в галопе мимо специальных мишеней. Слуги споро устанавливали треноги с подвешенными маленькими кольцами, которые нужно было снимать точным уколом копья или шпаги; на столбы выкладывали бабки из сырой глины, которые беспощадно указывали на ошибки в мечной рубке – неровный срез, и готово дело: командир, надрываясь, орет на молодого бойца, чтобы тот ровнее вел оружие

и не расслаблял кисть в момент удара. Как же хороши были испанцы в этих упражнениях! Их кони, ведомые умелыми всадниками, наверное, лучшими из всех, что я видел, с места поднимались в яростный галоп, мгновенно останавливались, быстро пятились назад или рысили вбок, били копытами, поворачиваясь на месте, и снова неслись вперед. Легкие копыта в руках испанцев казались живыми. Они быстро и точно жалили остриями по обе стороны, раскручивали их над головой, отбивая вражеское оружие, а потом, зажав древко под мышкой и уперевшись в луку седла, наносили настоящий рыцарский удар, который, как писали восторженные поклонники, мог прошибить крепостную стену. Больше всего это напоминало балет, так легко и красиво кони и наездники проделывали свои экзерции.

Тем не менее конницы у нас было не много, около трех тысяч, и не она была нашей главной силой. А главная сила, основа армии – пехота, стояла в некотором отдалении, чуть дальше лагеря конницы. Именно эта стоянка и делала лагерь необъятным. Двенадцать тысяч бойцов, не считая прислуги. Пикинеры, алебардисты, мушкетеры и арбалетчики – честь и слава империи, все были здесь. Над рядами солдатских палаток возвышались шатры оберстов и гауптманов⁶ с высокими флагштоками, на которых развевались значки подразделений и большие полковые штандарты. В центре лагеря на

⁶ Oberst – полковник; hauptmann – капитан. Высшие чины в армии ландскнехтов.

большой площади виднелись роскошные шатры военачальников. Там же под неусыпным караулом высились главные воинские святыни – знамена. Черный императорский двуглавый орел на золотом поле соседствовал с бургундским пламенеющим крестом Святого Андрея и испанскими львами и башнями в расчетверенном поле.

Каждый полк имел свой участок, причем немногочисленные испанцы располагались отдельно от ландскнехтов. И правильно, ведь азартные игры, будь то карты или кости, до которых были столь охочи наемники, легко могли спровоцировать ссору, а это – что искра для пороховой бочки. Сколько раз в прошлом солдаты устраивали из-за пустяка настоящие побоища! Специально для игр выгораживались площадки, где всегда дежурили караульные и куда нельзя было пронести даже маленький столовый нож.

Питание было организовано в полковых кантинах, где солдаты три раза в день получали винное и хлебное довольствие. Если казенный паек казался не слишком сытным – пожалуйста, рядом с лагерем всегда имелся рынок, где можно было разжиться любой снедью. Цены там, правда, были заоблачные.

Главное вооружение – пики и алебарды – помещались в стойках под навесами возле палаток. Там всегда прохаживались бдительные часовые. Не хватало еще, чтобы рота перед походом недосчиталась оружия! Воровство, надо сказать, считалось смертным грехом. Не было ничего более по-

зорного, чем обокрасть своего брата по нелегкому солдатскому ремеслу. За это вполне могли отрубить руку или повесить. С другой стороны, кража у гражданского вообще не считалась чем-то зазорным. Ведь гражданский – трутень, трус и лентяй, которого честный солдат оберегает, проливая свою кровь. Вот такая немудреная мораль.

Ландскнехты старались приходить со своими доспехами, ведь за это полагалась прибавка к жалованью. Тем не менее неимущие новобранцы всегда могли получить казенный доспех в хозяйстве офицера-фельдцехмейстера. Тот их тщательно переписывал и вносил в реестр. Впоследствии, накопив денег, солдат мог выкупить свой панцирь. Надо ли говорить, что за порчу или не приведи господь утрату его полагался немаленький штраф. Тут же стояли походные кузницы, обеспечивавшие ремонт и правку любого снаряжения.

Пехотные полки, так же как и конные, имели свой плац. Ротмистры с помощью фельдфебелей и капралов занимались здесь вечным, как сама армия, делом – строевой подготовкой. Новобранцы, разбитые на десятки, учились держать равнение и маршировать ровной линией, выполняя разнообразные повороты. По команде капрала они брали пики наперевес, разом кололи на месте или на ходу, возвращали оружие, когда раздавалось *Auff die Achsslen* (“На плечо!”). Сработанные десятки собирались в сотни, и оказывалось, что все то же самое большим строем делать гораздо сложнее. Только что сотня ровно шла вперед, и вот при по-

вороте строй превращался в толпу из ста человек, заставляя капралов изрыгать проклятья и древками алебард лупить по спинам и плечам нерадивых солдат. Когда строй роты казался вполне сработанным, собирался весь фанляйн⁷ – во главе с гауптманом. А потом рокотали полковые барабаны, и на плац выходил весь полк – четыре тысячи человек или около того. Под звуки флейт начиналось слитное движение огромной квадратной колонны, от размеренного шага которой дрожала земля. Тысячи башмаков как один вбивали сваи шагов в усталый истоптанный грунт, и каждому шагу вторила барабанная дробь. Несколько секунд – и вся масса, не теряя равнения, разворачивалась фронтом в ту или иную сторону и продолжала идти. Опытный оберст заводил строй на препятствие, будь то кустарник или группа деревьев, и тогда солдаты быстро обтекали его, снова сбиваясь вместе и равняя ряды. Густой лес пик и алебард опускался в сторону врага и поднимался обратно, послушный единой воле, которой, казалось, обладало это тысячеглавое существо. Точно в центре несли полковое знамя. Там же располагался оберст с адъютантами и полковой оркестр. Их охраняли сорок-пятьдесят трабантов – самых искусных воинов с двуручными мечами или секирами.

С обеих сторон баталии шли стрелки, составлявшие при-

⁷ Fahnlein – самостоятельная тактическая единица низшего порядка. Возглавлялась гауптманом, состояла из 400 человек. Естественно, идеальное число солдат редко выдерживалось. Фанляйн мог комплектоваться и большим, и меньшим числом бойцов. Точно так же и рота – сотня – редко являлась собственно сотней.

близительно четвертую часть полка, то есть около тысячи человек. Повинуясь специальной команде, они выбегали вперед, разворачиваясь цепью перед строем, готовые обрушить шквал свинца, или отступали в тыл баталии, освобождая место для рукопашной схватки. Все они носили каски под шляпами, а на поясах неизменно красовались мечи и кинжалы. Так что в драке они не были легкой добычей. Да и приклады тяжелых мушкетов и аркебуз были грозным оружием в умелых руках...»

«Сим постановляю: передать благодарность наблюдателю Э. А. за содержательный отчет. Впредь напомнить, что отчет является информационным документом, литературные излишества и эмоциональные отступления в котором излишни. Реализовывать более серьезный подход к делу и напомнить, что гиперсвязь – дорогое, ответственное мероприятие, не предназначенное для баловства.

Старший куратор...»

Один бог знает, сколько мне пришлось провести в лагере ландскнехтов за годы военной службы. А тогда, когда я увидел его впервые, мною овладели смешанные чувства. Несомненно красивое, я бы даже сказал, грандиозное зрелище человеческого муравейника, исполненное скрытого смысла и суровой эстетики. А вот становиться частью этого механизма... Не так, не так я представлял начало своей миссии.

Ведь эта мощь собрана для удара, а значит, где-то собирается другая сила. Всякое действие рождает противодействие.

Это всем известно. Значит, рано или поздно, а скорее рано, произойдет столкновение, и я окажусь в самом его центре. Нехитрые умозаключения показывали, что шанс бесславно откинуть копыта, окочуриться, пасть на поле брани, завернуть лапы, словом, героически подохнуть, был очень и очень высок. Это с одной стороны.

С другой – лучшего места для исполнения моей работы придумать было нельзя, да и для «легализации» в здешнем обществе перспективы открывались самые широкие. Вывод напрашивался простой: остаться в армии, завоевать авторитет, для чего у меня были все необходимые данные. И не подвернуться попутно под какую-нибудь особо смертоносную каркалыгу, которыми, как я понял, богаты были местные военные.

<https://storage.piter.com/upload/>

[new_folder/978544611951/04_1_Triumfalnoe_shestvie.png](#)

[\[https://storage.piter.com/upload/\]\(https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/04_2_Triumfalnoe_shestvie.png\)](#)
[new_folder/978544611951/04_2_Triumfalnoe_shestvie.png](#)

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/04_3_Triumfalnoe_shestvie.png](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/04_3_Triumfalnoe_shestvie.png)
Триумфальное шествие. Ханс Бургкмайер старший,
1516–1518 гг.

Путь от памятной корчмы «Герб Эрбаха» занял пять дней. Поднял нас Конрад ни свет ни заря и погнал скорым маршем на север, в направлении Мюнхена. Все ландскнехты, видимо, были небедными людьми, так как поголовно ехали на лошадях, увешанных выюками с доспехами, оружием и личными вещами. Это был костяк Конрадова отряда, который он спешно собирал перед походом.

По дороге к нам присоединились еще пятеро, двое из которых были новобранцами, а остальные – старыми сослуживцами нашего командира.

– Остальной молодняк в лагере дожидается, – прокомментировал Конрад появление очередного «нового куска свежего мяса для старины Георга», – не так плохо, из старой нашей банды под три сотни собралось. Будет кому задать жару жабоедам с присными. Если только, гы-гы-гы, – тут он радостно заржал, – если только половина не передохнет от пьянки, меня ожидающих.

«Жабоеды» – это он так французов называет, догадался я, припоминая лекции по прикладной лингвистике. Помимо занятных этнонимов в пути я обогатился сведениями о хитросплетениях местной политики. В разгаре была очеред-

ная война, в ходе которой французы со швейцарцами и немцы с испанцами пытались выбить друг дружку из Италии, не особенно заботясь о мнении местного населения о совершаемых маневрах. Местные активно включались в военные действия. Без особого, правда, успеха.

– Из итальяшки солдат как из говна пуля, – таково было авторитетное мнение Конрада Бемельберга, опытного вояки.

Венеция поддерживала французского короля Франциска I, правда, здорово раскаивалась в скоропалительном своем выборе. Да деваться теперь было некуда. Германия до сих пор припоминала, как в 1508 году венецианцы не пустили в Рим Максимилиана I для коронации императорской короной. В Генуе правила профранцузская партия, но эмиссары Карла V так повернули дело, что все шло к скорому перевороту и установлению дружественного империи режима.

Целью готовящегося похода была французская армия, которая закрывала путь на Милан. Ее надо было устранить. Из Неаполитанского королевства собиралась выйти основная часть испанского войска. Нашей задачей было соединиться с ней и вместе навалиться на французов.

Французы были очень сильны. У них была масса обученной и отменно вооруженной конницы, как собственно французской, так и итальянской. Но главная опасность представляла их артиллерия, традиционно очень мощная, и, само собой, швейцарская пехота.

– Чертовы дети, – сказал Конрад как-то на привале за чар-

кой подогретого вина, – эти пастухи, трахатели коз, сучье семя, – самое опасное, что нас ждет, – бывалые солдаты встретили его слова согласным гулом. Командир адресовал свою речь «молодняку», в том числе и мне, но все, кто слышал слово «швейцарцы», моментально подобрались и сделались неприятны с лица. Швейцарцев люто ненавидели и заметно побаивались.

– Не дай вам бог попасть к ним в плен, – вставил один из ландскнехтов. Весь облик его выдавал бывшего воина, насколько я успел разобраться в местных индикаторах социальной символики.

Лицо его украшали чудовищных размеров усы и страшный шрам от виска до челюсти. На нем был красный бархатный вамс⁸ с вырезанным на груди косым андреевским крестом и глубоким декольте, прикрытым плиссированной рубашкой тонкого шелка. Облик его органично дополняла массивная золотая цепь восьмизвенной толщины. – Не дай бог, – повторил он и, увидев одобрительный кивок Конрада, продолжил: – Будь я проклят, если вру, лучше вам воткнуть кинжал в шею, если попадетесь к ним в лапы. Это смертный грех, конечно, но Бог простит, он все знает и видит. Они, выродки, такое делают с пленными... Снимут кирасу и вспо-

⁸ Wams – верхняя куртка длиной до талии или чуть ниже. Расстегивалась спереди, на манер колета с полным запахом и пуговицами или завязками у проймы и на боку. Другой вариант отличался простой центральной медиальной застежкой. Как правило, имела длинные рукава. К нижнему краю вамса обычно пришнуровывались штаны «хозе» или шорты «обершенкельхозе».

рют брюхо, а кинжал сперва в дерьмо окунут. И тогда считайте, что вам повезло. Зверье, никаких понятий об обычаях честных воинов.

– Га-га-га, – это заржали сразу трое ветеранов, уютно выпивавших и закусывавших, расположившись на пополах, постеленных прямо на землю. – На себя посмотри, честный ты наш воин! – добавил один из них. – Забыл, что сам вытворял с ранеными райслауферами⁹ под Мариньяно?! Чтоб я сдох, давно так не веселились!

– Иди к черту, Курт! – огрызнулся первый оратор. – Это месть, месть за погубленных наших товарищей! – Его рожа заметно покраснела. – А месть – в наших обычаях!

Веселье заметно набирало градус:

– Ага, Ральф, дружище! – Курт давился от еле сдерживаемого хохота. – Особенно в наших обычаях трахать в жопу пленного барабанщика, ха-ха-ха-ха... вот отомстил так отомстил!

– Заткнись, – прошипел Ральф, причем его корявая изрубленная ручища нащупывала рукоять меча, – лучше заткнись! Я не трахал никакого пленного барабанщика!

– Ага, – отозвался голос с другого конца стоянки; народ живо прислушивался к нарастающей перепалке, – всем известно, что он был не пленный, а ужедохлый, га-га-га-га! – На этот раз поголовно все покатились со смеху, причем наш

⁹ Reisslaufer – наемный швейцарский солдат. Главный конкурент и враг немецких ландскнехтов.

доблестный командир возглавлял веселье, лежа на спине и стуча кулачищем по земле; безудержные раскаты ухающего смеха затопили полянку, на которой мы обедали. Эти люди любили вот так вот безудержно хохотать, хотя шутки у них были те еще... Тут кто-то запел:

А тот, кто труп врага е...ет,
едва затихнет бой,
доспех пускай в обоз сдает,
а труп берет с собой,
его работой елдака разделать под орех,
поскольку вые...ать врага
и дохлого не грех!¹⁰

Смеяться больше никто не мог, весь наш славный отряд совершенно потерял боеспособность: кто-то постанывал, согнувшись в три погибели, кто-то катался по земле, кто-то обессиленно обнимал дерево: личный состав стонал и всхлипывал. Глядя на товарищей, Ральф оставил свои кровожадные намерения и начал заметно прыскать.

– Знаете что, kameraden, идите-ка вы все к черту! Я посмотрю, как вы будете ржать, когда три колонны озверевших козопасов навалятся с пиками и алебардами наперевес!

Вот такими милыми и незатейливыми шутками мы скрашивали досуг на отдыхе и в походе. То и дело поднималась

¹⁰ Фрагмент современной сатирической поэмы «Фаллическая правда» Е. Юркевича.

тема предстоящего противоборства со швейцарцами. И хотя перспектива была относительно отдаленной, даже испытанные ветераны далеко не всегда склонны были над ней шутить.

Надо взять на заметку и аккуратно выпросить, отчего бывалые ландскнехты заметно опасаются грядущей драки? На них совсем не похоже вроде бы...

Я в очередной раз мысленно проклял нерадивость моих предшественников, которые не снабдили Управление такой важной информацией. А мне снова приходится хитрить и отмачиваться, притворяясь, что я в курсе дел. Конечно, я точно знал, кто такие швейцарцы и где они проживают, местную географию мне вдолбили буквально в подкорку. Но отчего их все вот так боятся? Чем они так особенно опасны? Важные сведения, особенно если учесть, что нам, а значит и мне, с ними вот-вот предстоит схватиться.

* * *

В лагерь мы прибыли ранним утром. Возле частокола нас остановили часовые, Конрад назвал пароль, и мы въехали в расположение армии. Стоянка удивила многолюдьем и продуманной до мелочей планировкой и неприятно поразила дикой вонью от переполненных выгребных ям. Последнее, впрочем, похоже, совершенно никого не смущало. Придется привыкать, сказал я себе. Хорошо бы, чтобы это было самым

страшным препятствием на моем пути.

Меня записали в отряд гауптмана Конрада Бемельберга и поставили на довольствие.

– Жалованье будешь получать после присяги и смотра, – проговорил интендант, словно делая одолжение, предельно душным голосом, свойственным, кажется, всем чинушам во всех концах галактики.

Мой командир придирчиво оглядел меня и сказал:

– Так-с. Так-с. И что мы видим? Отвратительное пугало. Значит так, позорить фанляйн не позволю. Конечно, в ландскнехта тебе еще рановато переодеваться, но задрапировать тебя как-то надо... Деньги у тебя есть?

– Есть, – ответил я, благословляя изрядный запас серебра и золота, которым меня снабдили.

– Это хорошо... Я думаю, кожаный дублет спасет положение...

– А может, я сразу и доспехом обзаведусь? – вспомнил я наставления насчет этого важного предмета воинского обихода.

– Э-э, да ты шустрый малый, – Конрад удивленно на меня воззрился, – это ж совсем недешевое удовольствие. Впрочем, твое дело. В казенном воевать и правда не здорово. А со своими железками и спокойнее, и жалованье выше. Ладно. Не годится гауптману с каждым солдатом возиться, но я же тебя из дерьма вытащил и теперь вроде как за тебя в ответе. Мне все равно в город нужно. Пред ясны очи командо-

вания предстать. На обратном пути заедем в лавку, помогу тебе приодеться.

* * *

Мюнхен производил сильное впечатление. На него хотелось смотреть со стороны, но ни в коем случае не заходить на улицы. Прекрасной, какой-то легковесной архитектуры здания располагались на узеньких, кривых, замызганных улочках, буквально потрясавших воображение своими запахами. И пахло там далеко не фиалками. Похоже, кошмарные запахи будут самым сильным моим впечатлением от первого знакомства с этим миром.

Горожане, уже несколько недель соседствовавшие с беспокойной солдатней, немного попривыкли и не шарахались от нас, как я ожидал. Однако все почтительно расходились по сторонам, уступая дорогу Конраду Бемельбергу и его представительным спутникам, за которыми плелся и я, ощущая себя пятым колесом или вообще, как говорят здешние моряки, баластиной. В роскошном и относительно чистом двухэтажном доме с высокой стрельчатой крышей под красной черепицей обитал вождь всей нашей армии.

– Здесь вот поскучай, – бросил мне через плечо Конрад, – мы к самому!

«Здесь вот» – оказалось небольшой таверной, из которой отлично просматривался вход в дом. «Сам», надо полагать,

и был знаменитый Георг фон Фрундсберг, которому должны были представить доклады его офицеры.

А «поскучать» мне пришлось не менее полутора часов. Их я скоротал в обществе кружки пива размером с полведра и невеселых мыслей. Ко мне никто не приставал, надо полагать, что общество, в котором я явился, само по себе не располагало к проявлению любопытства.

А любопытство прямо-таки било через край. Посетители во главе с трактирщиком чуть затылок мне насквозь не проглядели: еще бы! Чужой, пришел в компании расфуфыренных вояк, допущенных до персоны самого Фрундсберга, одет один господь знает во что. Но с мечом на поясе. Словом, ввязаться с расспросами никто не рискнул.

Вышли господа офицеры не совсем твердо. Глаза у большинства масляно блестели. Видно, вождь очень обрадовался своим испытанным соратникам и изрядно угостил. Боже мой, сколько можно пить?! Куда лезет только?! Хреновая компания, что и говорить, так с ними и до хронического алкоголизма недалеко.

– Эй! Гульди! – заорал Конрад своим неподражаемым басом. – Пшли в-в-вружаться!

– Я рассказал Г-ергу, к-кой ты ловкий п-рень, – он обнял меня за плечи и навалился всем свои немаленьким весом, как только я оказался на улице, – он пр-казал ли-ично, па-аешь, ли-ично, пр-следить, чтоб тебя пр-стойно в-ружили, – да, таким я господина гауптмана за наше недолгое знаком-

ство еще не видел, изрядная порция спиртного снабдила его речь новой особенностью — он напрочь поспорился с лишними, на его взгляд, гласными.

– Тебя, болвана, теперь сам Фрундсберг знает! Ты с-сознаешь от-от-ответственность?

Я покивал, изобразив на лице полнейший восторг от такого доверия и крайнюю степень осознания ответственности.

– От то-то же! Г-спада фицеры! – воззвал он на всю улицу. – П-жалуйте со мной! Пр-контролир-вать снаряжение нового свирепого м-стера меча! А то, он, х-ть и мастер, но такой болван!

И мы дружной гурьбой пошли вниз по улице, распевая лихую песню про берет, перья и кожаный вамс, разорванный уколами пик, словом, про нелегкую жизнь ландскнехта.

* * *

В лагере мы очутились, когда часы на башне ратуши пробили четыре пополудни. Я был зверски голоден. Передо мной в палатке лежали мои новые сокровища, которые должны были защищать меня от разнообразных превратностей ратного ремесла.

Сокровища облегчили кошелек на освежающе крупную сумму в двадцать четыре полновесных серебряных гульдена. И это при том, что подвыпивший Конрад проявил чудеса жадности и искусно торговался битый час, скостив изначаль-

ную цену раза в полтора. Доспех, что и говорить, был хорош.

Я – дитя развитой индустриальной цивилизации, покорившей звездный простор, был восхищен и прямо-таки ошарашен. Как, скажите на милость, без точных измерительных приборов и специальных станков можно было примитивными инструментами вручную создать такую красоту?

Скупая, но изящная линия, все пластины притерты так, что между ними и волос не просунуть, ни грамма лишнего веса, на теле сидит как вторая кожа. Очень продуманная конструкция. Надежная кираса надевалась поверх ожерелья с пластинчатым воротником, руки были полностью прикрыты латами, включая пальцы, которые помещались под защиту стальных рукавиц.

Шлем «штурмхауб» с подъемным козырьком и подвижным подбородником, застегивавшимся поверх воротника горжета. А вот ноги были прикрыты только выше колен пластинчатыми набедренниками, которые крепились к подолу кирасы. Ну и, конечно, между набедренниками красовался стальной, очень мужественный гульф, или, как его называли в этих местах, «латц». Он превосходно защищал пах и своим задорным видом всегда напоминал о постоянной и полной боеготовности его обладателя. Во всех отношениях.

Дьяволыщина, но, напялив все это, я сам собой невольно залюбовался. Настоящий демон войны! К доспеху в придачу полагался дублет из двух слоев бычьей кожи, покрытый неизменными для ландскнехтов многочисленными разреза-

ми. И кожаный провощенный мешок, в котором его было удобно хранить и переносить. Кажется, я начинал обживать-ся и превращался в настоящего вояку. Женатого на алебарде и имеющего в любовницах собственную шпагу. Шутка.

Нагулянный с таким трудом аппетит я ублажал в канти-не.¹¹

Это же надо подумать! С утра маковой росинки во рту не было... если, конечно, не считать таковой кружку пива в таверне. На ужин собралась развеселая компания из разных рот, в том числе и из нашей. Все бы хорошо: приличный шмат копченой оленины, кусок ароматного, только из печи хлеба, кусок сыра, – но, кажется, здесь совершенно не употребляли воду. Ее благополучно заменяли пиво и вино. Все понятно, антисанитария, но нельзя же утолять естественную жажду организма одним только спиртным!

¹¹ Группа огромных навесов и шатров с установленными внутри столами и скамьями.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/05.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/05.jpeg)

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/06_Shturmhaub.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/06_Shturmhaub.jpeg)

«Германская заклепка» и штурмхауб, 1520 год

– Эй, новенький! Как там тебя? Давай к нам! – прошу любить и жаловать, это мой ротмистр Курт Вассер, тот самый, что давеча на походе так ловко подначивал кровожадного Ральфа по фамилии, кажется, Краузе.

– Меня зовут Пауль, – подсказал я, усаживаясь рядом.

– Да ладно, не бери к сердцу, у меня таких, как ты, целая сотня, поди всех запомни. А главное, – ротмистр настаивательно поднял палец, – зачем? Все равно из двадцати двух сопляков, что пригнали в мою любимую роту, из похода вернется дай бог десяток! Вот их-то я точно запомню!

– Ты смотри, – вставил один из ландскнехтов, я не помнил его имени, хотя он происходил из того отряда, что оказывал мне гостеприимство в корчме «Герб Эрбаха», – ты смотри, – повторил он, – а парень-то становится человеком понемногу. Дублет, бычья кожа, красота! Тебе бы еще шляпу с пером, будешь совсем как солдат! – У этого-то суконный берет украшало щегольское перо, кажется, фазанье.

– Хватит уже, а? – встрял третий из соседней роты. – Давай, кто пожрал, пойдем девок найдем? А то скучно.

На призыв откликнулись сразу три голоса с разных концов стола:

– Отцепись, дай похавать.

– Попожжа.

– Ха, помнишь, как французский насморк мышьяком тра-

вил, а?

– Ладно вам, как же без девок! Подумаешь, насморк, один хрен скоро помирать! – Идея раскрепоститься сексуально, видимо, накрепко засела в голове солдата.

– Девки – это хорошо, – согласился ротмистр, – да только завтра подъем ранний – полковая маршировка!

– А чего сразу помирать-то, – задал я наводящий вопрос, жуя мясо, кстати, отменно прокопченное, но очень жесткое.

– Так ведь война, паря! – отвечивал ротмистр.

– Это понятно, так ведь не первый раз, авось пронесет! – подначил я.

– Э-э-э, война войне рознь, – он почесал бороду, задумчиво рыгнул и пустился в долгожданные пояснения: – Ты, парень, в войсках впервые, на войне не бывал, ведь так? – И, получив утвердительный кивок, что, мол, точно, не бывал, продолжил: – Война разная бывает. Иной раз от хвори какой или обычной дристоктнии на походе народу большедохнет, чем от вражеских пик. Все бы ничего, но нынче нас ждут швейцарцы, а значит, быть Плохой Войне, – офицер сделал такое лицо при этих словах, что иначе чем с заглавной буквы их было не воспроизвести: Плохая Война!

– Это что значит?

– Пленных не будет, вот что это значит! У нас со швейцарцами давние счеты. Они нас в грош не ставят, говорят, что ландскнехты только коров трахать могут, а никак не воевать. А все отчего? – На сытый желудок Курт умел бесподобно за-

давать риторические вопросы. — Козопасы нас давным-давно воевать учили на свой манер, еще во времена молодости нашего доброго императора Максимилиана, пусть земля ему будет пухом. А потом так получилось, что воевать мы стали не хуже, и нанимать нас стали не реже чем швейцарцев. Вот они и посчитали себя обкраденными. И кем! Германскими скотоложцами! С тех пор как ни сойдемся — резня. Швейцария, что там говорить, добрых солдат рождает. Дерутся как черти. И в плен никого не берут. А уж нашего брата просто как свиней режут. Так что у нас с ними дельце есть, — и бра-
вый воин опрокинул в глотку остатки вина из своего дорого-
го серебряного кубка, — а еще, шесть лет назад, э-э-э-э-э, все
верно, шесть, мы им перца под хвост насыпали. Все там же,
в Богом проклятой Италии. В 1516 году под местечком Ма-
риньяно¹². Они с французишками нашу позицию в лоб взять
не смогли. Как ни тужились. Насыпали им свинцовых слив
из аркебуз полные подойники, ха, и из пушек добро угости-
ли. Пусть знают наших! Словом, поле наше — победа наша.
То-то радости было! Но до настоящего дела так и не дошло,
швейцарцы теперь окончательно на нас злые. Чует мое серд-
це, в эту кампанию все решится. Сойдемся с ними грудь в
грудь, кто кого, вот тогда не зевай!

Озабоченный солдат пробурчал что-то вроде: «Ну-сколь-
ко-можно-пойду-конец-парить». После чего в самом деле
ушел. С ним удалилась группа ландскнехтов, которые давно

¹² Ротмистр ошибается. Сражение при Мариньяно имело место в 1515 году.

собирались пойти играть в кости.

Возле нашего стола собралась изрядная толпа, человек с полсотни, а то и больше. В основном новобранцы, не бывавшие, как и я, в настоящем деле. Сплошь молодые лица, на которых читались страх и любопытство. Страшные швейцарцы казались такими далекими, а интересные байки про чужую смерть прямо сейчас будоражили воображение. Я в полной мере ощутил в себе то же самое чувство и попытался отместить его как недостойное. Тем более что мой интерес был вполне утилитарным.

– Господин ротмистр, – спросил я, – а нельзя ли подробнее? Интересно знать, что они за люди, эти швейцарцы, как воюют, есть ли слабости у них? Нам же скоро вместе в бой.

– Это даже я тебе точно не скажу, – ответил Курт, – беда в том, что мало кто из товарищей, что здесь собрались, видались с ними в большом деле. Это надо у старого Йоса поспросить. Он лучше расскажет. Гы-гы-гы, если у тебя уши раньше не скиснут, гы-гы-гы, – и он рассмеялся, довольно злорадно, надо сказать.

– Я все слышал, Курт Вассер, – раздался хриплый, сорванный голос из-за соседнего стола, – чтоб у тебя селезенка лопнула! – К нам шел невысокий, кряжистый старик, совершенно седой. Ветеран, сразу видно. Лицо его было покрыто черными точками, какие, как я знал, бывают при близком пороховом взрыве, правый глаз был наполовину прикрыт из-за багрового шрама от брови до щеки. Другое мужское украше-

ние пересекало половину шеи. Даже непонятно, как с таким ранением он умудрился выжить. Одет ветеран был в шелковый желтый фальтрок¹³, отделанный золототкаными парчовыми лентами, четырехчастный разрезной берет с павлиньими перьями и узкие черные чулки. На широкой, вышитой золотыми буквами перевязи висела длинная сабля с витой гардой.

Колоритный старик растолкал новобранцев и уселся на стул. Ему тут же поднесли кувшин вина. Он промочил горло и начал свою речь. Все, включая бывалых офицеров, почтительно помалкивали, предвкушая интересный рассказ. Как оказалось – не зря.

– Ты, Курт, повоюй с мое, а потом рот разевай, твою мамашу растак. Мне шестьдесят три стукнет этим маем, а я с пикой в первом ряду до сих пор стою. И так уже сорок лет! Я, черт возьми, заслужил, могу говорить сколько хочу, потому что слова мои – золото! Чепухи не несусь, а изрекаю умные вещи, не то что некоторые. Во-о-от, а уши от знания киснут только у дураков, таких как ты, дорогой мой товарищ! – старый Йос говорил медленно, неприятно поводя подбородком в сторону. Надо полагать, ранение в шею даром ему не прошло и оставило не только роскошный шрам.

Он уселся поудобнее и перестал обращать внимание на

¹³ Faltrok – распахнутое приталенное одеяние с длинным плиссированным подолом. Изначально являлось надоспешной одеждой. С 1510 года превратилось в модный дорогой аксессуар, который не стеснялись носить даже при императорском дворе.

откровенно зубоскалящего ротмистра, которому явно было что сказать насчет того, что Йосовы слова – «золото».

– Мариньяно – тьфу! – сказал Йос веско. – Ни гордости, ни радости от такой победы. Что за дело? Отсиделись за бруствером, постреляли в свое удовольствие. Только и пользы, что знатную добычу потом с трупов и пленных поснимали!

А со швейцарцами кровный счет у нас пораньше начался. Кончай, сука, лыбиться, а то смотри, морда треснет! – Это он все-таки окрысился на Курта, сидевшего напротив подперев голову и радостно скалившегося. – Пораньше, твою мать! Тебе, малец, сколько годков? Двадцать? Ну да, ты тогда еще свисал мутной каплей с конца своего папаши, а старый Йос уже топтал поля сражений и носил пику.

Дело было в тот год, когда доброй памяти кайзер Макс¹⁴ снова задумал присоединить швейцарские кантоны к своему австрийскому домену. Швейцарцы уже тогда смотрели на нас косо. Да и мы в долгу не оставались. Учителя хреновы. Уже в 1487-м, когда мы вместе надрали задницу венецианцам, в одном лагере селить нас было опасно. Никакие угрозы нас не останавливали. И их тоже. Только дай повод – готово дело, поножовщина. До таких побоищ доходило! Или отловить ночью пьяного козопаса и прирезать – запросто. И виселицей нас пугали, и плетьюми, да все без толку. Лег-

¹⁴ Старый ландскнехт ошибается. В 1499 году, во время Швабской войны, Максимилиан I Габсбург еще не был императором, а только германским королем.

че было раздельные лагеря выставлять. Но дрались они хорошо. Было чему поучиться, что и говорить. Всегда в атаке, храбро и яростно. Зарезали товарища? Плевать, наступи на него, шагай дальше и коли! – Смотреть на разошедшегося перед благодарной аудиторией старого солдата было занятно. Недостаток мимики на изрубленном лице он замечательно восполнял жестикуляцией. В результате рассказ его по-настоящему завораживал:

– Ну так вот. В 1499 году от рождества Господа нашего Иисуса Христа призвал кайзер на службу своих добрых ландскнехтов, и пошли мы воевать в швейцарские горы. Всем известно, кавалерам там развернуться негде, вся надежда на нас, на мать-пехоту. А по правде, против швейцарской баталии даже на самом ровном поле от конницы никакого, на хрен, толку. А уж в горах!

Сперва все удачно складывалось. Разгромили мы несколько замков. Разнесли из пушек стены, и будь здоров, взяли их на пики, чтоб я сдох. Так месяц прошел. Повернули мы на Цюрих, всей нашей армадой. И тут горцы расшевелились. Сообщает разведка, что движется к нам навстречу все конфедератское войско. Нам только того и надо. Пошли навстречу. Дорога-то одна, не разминуться. Ну и не разминутись. Встретились. Кто из ландскнехтов не помнит этого места? Деревенька Хард на берегу Боденского озера, прямо возле трижды проклятого города Брегенц.

Шел февраль, если я ничего не путаю, было здорово хо-

лодно. Кое-как отоспались и пошли на бой. Мы по славному обычаю построились в три баталии, уступом. Впереди – стрелки густой цепью. И тут смотрим: мама родная! Выходят из теснины сучьи козопасы. Красиво шли, гореть им в аду! Три колоннами, плотно, пик и алебард – лес; если яблоко упадет – точно напорется на острие! Знамена развеваются, барабаны гремят. Вел их тогда один вояка из Унтервальдена – Арнольд Винкельрид. Он, слышь, еще с нашим Георгом служил вместе, было дело... У нас ревет труба. Общая команда: «Стой! Равняй ряды!» Вперед пошли стрелки. И еще пушки выкатили. Дали залп, и еще один. И еще. Швейцарцы сперва почти бежали, а тут пошли медленно, чтобы, значит, строй не потерять. Ядра свищут, пули, болты арбалетные. Иные ядра целые просеки пропахивали. Глядишь, одно под ноги падает, от мерзлой земли рикошетит и, как лягушка, прямо в центр. А там только ошметки кровавые. Мясо, кускам доспеха прилипшее. И брызги во все стороны. Пожалуй, с десятков сразу выкашивало. А им хоть бы что, только строй смыкают теснее. Все идут. В ответ, конечно, тоже постреливали, но все больше по нашим арбалетчикам, которые им здорово досаждали. Я тогда в главной баталии стоял, под знаменами самого кайзера Макса и отца всех ландскнехтов Георга фон Фрундсберга, дай ему бог сто лет жизни. Так вот не помню, чтобы до нас что-нибудь всерьез долетело.

Конфедераты все ближе. До стрелков шагов двадцать. Они стреляют последний раз – и бегом в тыл и на фланги.

Наше время пришло, стало быть. Первыми сцепились авангарды у нас по левую руку. Что там было, я не видел, потому как далеко. Но треск стоял изрядный.

Но тут и нам заскучать не дали. Весь их гевельтхауф¹⁵ начал разворачиваться, чтобы, значит, схарчить наш форхут сбоку. Мы им наперерез в лоб ударили. Что тут началось! Я уже тогда сколько раз воевал, а такого не припомню. Ведь оно как обычно? До настоящей драки дело ведь не всегда доходит. Кто-то забздит, кто-то в штаны наложит, пока строй на строй идет. И глядишь, как пики пустили в ход, так те, кто пожиже, уже бежит. Строй разваливает и бежит. Или пятится, если соображения хоть капля есть. Потому как страшно очень. Не все сдюжить могут.

А тут не так. Мы не робкие, и как строй держать знаем, а уж что про швейцарцев говорить! Сошлись! Сошлись, мать их! Коли, бей, руби! Они спервоначала думали, что мы сразу пятки покажем, и навалились всей толпой. Но мы их на пики приняли, а где шеренги промялись, так там алебардисты отработали. Страшно было так, что я аж забыл, как бояться. Кругом пики мелькают, пастухи их нарочно покороче перехватывали, чтобы поближе подступить и сунуть наверняка в горло или под мышку. И ведь подступали! И кололи, чтоб им провалиться!

¹⁵ Gewelthauf – традиционное название центральной основной батальи в швейцарском боевом построении. Авангардная батальия называлась forchut, арьергардная – nachut.

Да только и мы непростые оказались. Не побежали. Всех такая злость взяла! Стоим, рычим, кровью умываемся, а никто ни шагу назад не отступает и линию добро держим! Ха, как сейчас помню: один шустрый парень отбил сразу две наши пики в сторону и вперед кинулся. Ну, думаю, выручай доспех и Дева Мария, сейчас приколет! Ан нет. То, что они пики чуть ли не за середину держали, дурную шутку с тем шустряком сыграло.

Оно так, накоротке колоть сподручнее, да только не заметил он, что до него уже наши алебарды из заднего ряда достают. Сзади кто-то подпрыгнул и всадил ему с размаху крюк глефы в башку. Тот стоит передо мной, сипит, а из глаз кровь льется, чисто чудотворная икона, загляденье, ха-ха-ха!

Не знаю, сколько мы дрались, казалось, что вся моя грешная жизнь до того короче была. Словом, пришлось швейцарцам отойти назад и перестроиться. Глядь, диво-дивное, на флангах та же история. Отбились.

И вот смотрим мы друг на друга, на древки опираемся, дышим. А ведь рукой подать, шагов двадцати нету между строями. Раненых да сильно уставших подменили резервом из центра баталии, а там швейцарцы снова полезли. Загрел мел барабан, они как один человек: *spiess voran*¹⁶! Мы уже все на кураже, можно перед швейцарцами выстоять. Можно! Бей, коли! Руби, убивай! Как заговоренный, колю и колю. Сквозь мельтешение всеобщее вижу, что с фланга нас обой-

¹⁶ *Spiess voran* (нем.) – букв.: пики вперед!

ти пытаются, но вышли навстречу сразу два фанляйна, и там каша заварилась.

Отбились и второй раз.

Один момент, правда, все на волоске повисло, когда пошли в прорыв их доппельзольднеры с двуручными мечами. Углядели маленький разрыв в строю, где пики не так густо торчали, и бросились. Как бросились? Шагом вышли вперед трое. Руки к подмышкам прижаты, клинки на уровне лиц, и никуда их не уколоть, кругом латы. И прямо в разрыв. Вижу, а у них за спинами целая банда собирается, чтоб, значит, на расчищенную площадку зайти. Беда.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/07_Bitva_pri_Dornahe.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/07_Bitva_pri_Dornahe.jpeg)

Битва при Дорнахе, 1499 год

Тот, что впереди шел, отвел от себя пику и без замаха так рубанул наискось, что с первого удара свалил одного из наших, а потом повел меч обратно и прям еще одному укол в лицо.

Вот так.

Секунда, и двое лежат. Тут я сам пику отбил и, вместо того, чтоб вперед колоть, уколол в бок и зарядил этому ловкачу прямехонько в свод стопы. Как тот заорал! Упал своим под ноги, они споткнулись, а тут товарищи мои родные успели дыру заткнуть. Ничего у швейцарцев не вышло. Пришлось им в скором времени снова отойти.

Сколько ж мы тел навалили тогда! Что твой бруствер. В доспехах не перелезешь.

Кайзер Макс толковый воин был¹⁷ и Георг Фрундсберг тоже, даром что тогда совсем еще молодой. Видят, что в лоб спор не решить, и пошла по рядам команда: «Назад марш!» А как отошли шагов на сорок, так оставили два фанляйна фланг наш правый охранять, чтоб, так их разэтак, пастухи все же через вал трупов не перебрались, а сами обходим их слева. Их оберст тоже не дурак. Живо к нам фронт развернул, и снова в атаку. Они уже наученные были, да и устали все. Никто больше вперед не лез. Стоим. Перетыкиваемся. Никто не уступает. То тут, то там кто-то падает. Нашла его, значит, матушка пика. По бокам строя тоже драка, никак не

¹⁷ Кайзера Макса в той битве не было. Старый ландскнехт врет как сивый мерин.

обойти друг друга.

И тут гляжу вверх... у меня аж все обмерло. Понял: ка-
жись, отвоевались, конец пришел. Весь наш форхут бежит!
И прямо на нас! А за ними в полном порядке целая баталия
швейцарцев! Всех перед собой топчут и колют. Смяли нам
фланг за пять минут, сбили нас в кучу, так что руки не под-
нять, и начали резать. Мы стояли сколько могли. Но двойно-
го удара не сдюжили. Начали гнуться. Слышу, кричат: «Спа-
сай короля Макса!» А что оставалось? Бросились мы вперед,
только думали, как жизнь подороже продать. И ведь смо-
гли козопасов остановить! Ровно на столько хватило, чтобы
король собрал остатки войска и ушел. А как увидели мы,
что наши знамена исчезают в дымке, поняли, что кончилась
жизнь. Что должны были – сделали. А теперь – все едино.
Окружили нас швейцарцы. И стали молча добивать.

Не многим удалось из того кольца уйти. Я был среди них.
Хотя клейма памятные на всю жизнь мне тогда оставили,
чтоб не забывал, значит.

Я и не забуду.

Ландскнехтов загоняли в озеро и держали там пиками, по-
ка не околеют или не утопнут. А сами стояли, ржали. Целы-
ми шеренгами концы доставали и ссали нашим на головы.
Сдирали с раненых кирасы и животы вспарывали. Был у них
такой способ: кишочки поддеть на кинжал и вытянуть мед-
ленно из живого еще человека. Или вот еще: в задницу кин-
жал втыкали по рукоять и спорили, как скоро нутро на снег

высрется. Носы отрезали, уши. Глаза выкалывали. К пушкам привязывали и стреляли, словом, как могли веселились.

Девять тысяч добрых ландскнехтов туда пришло. А ушло всего три. Остальные там остались в страшной бременцкой могиле. И этого я никогда не забуду и вам забыть не дам. Когда встретимся со швейцарцами пика на пику, все припомню. В первом ряду пойду. А потом, считай, жизнь удалась. Можно и в могилку.

Под навесом стояла мертвая тишина. Никто не зубоскалил в обычной ландскнехтской манере, не переговаривался. По небритым щекам седого ветерана текли слезы, капая на стол и в забытый кубок с вином. Его мысли были где-то далеко, он смотрел не на нас, а в далекий февраль, на свинцовые серые воды холодного озера Боден, где в старину свершилось кровавое и страшное дело.

Глава 3

Георг фон Фрунсдберг выпивает со своим секретарем, а император отправляет армию в поход

По мюнхенским улицам, не вполне еще проснувшимся, не спеша шел высокий худой человек. Он все время задира голову вверх, непонятно что разглядывая. То ли его радовало прозрачное весеннее небо, раскрашенное ранними лучами солнца, то ли интересно ему было глядеть на верхние этажи зданий, а может быть, веселая возня воробьиных стаяк столь завораживала?

Как бы то ни было, под ноги и перед собой человек совершенно не глядел, уверенно шагая при этом по узким кривым улочкам, легко, словно танцуя, перешагивая через грязные лужи и избегая столкновения с прохожими. Был он молод, просто и неприметно одет с какой-то небывалой, прямо-таки волшебной аккуратностью.

Ни одного пятнышка, ни одной неопрятной складочки не было на его узких темных штанах, черном суконном камзоле, остроконечной тирольской шляпе зеленого фетра и коротком плаще. Даже ботинки его, совершавшие ловкие пируэты между лужами и кучами нечистот, отличались перво-

зданною чистотой. Камзол, кстати, был застегнут на все три дюжины маленьких пуговиц, и ни одна не была перекошена или вставлена не в ту петлю.

Его можно было бы признать за студента, но плащ сзади сильно оттопыривался, а спереди на левой стороне пояса виднелась и причина этого: витой эфес тяжелой шпаги. На правой кисти имелся шрам, уходивший глубоко под рукав камзола, а левая кисть была вообще некомплектна – не хватало половины мизинца.

Эти черты выдавали если не солдата, то, по крайней мере, бывалого дуэлянта и драчуна. Хотя какой студент в наше время не носит шпаги и не размахивает ею по поводу и без?! Словом, господин был не вполне понятного происхождения и рода занятий.

Оказавшись перед красивым двухэтажным домом, непонятный господин остановился. Перед дверью дежурили двое солдат в красных бархатных бригадинах¹⁸ и островерхих айзенхутах¹⁹ с пластинчатыми нащечниками. Один начал было замахиваться древком алебарды, открыв редкозубый рот для дежурного рыка, что-то вроде «эй, чего встал, про-

¹⁸ Бригадина – доспех, состоявший из стальных пластин, приклепывавшихся к изнаночной стороне матерчатой основы, так что снаружи выступали только ровные ряды заклепочных шляпок. В XV–XVI веках, как правило, основа сшивалась из плотного бархата с двумя слоями подкладки из грубого холста или льна. Фасон ее не отличался от фасона безрукавного приталенного дублета того же времени.

¹⁹ Eisenhut (нем.) – железная шляпа. Шлем с полями по кругу.

валивай!», но вдруг расплылся в улыбке и, явно признав, услужливо распахнул перед ним дверь.

В особняке молодой человек, видно, бывал не раз; он уверенно направился через зал к спешившему навстречу слуге, скинул ему на руки плащ и шляпу. На безмолвный вопрос, возникший в глазах нашего незнакомца, слуга отвечивал:

– У себя, у себя! Ждут! Уже позавтракали и ждут! Вы, как всегда, вовремя. Я сейчас доложу, – и засеменил вверх по лестнице.

Молодой господин пошел за ним и очутился перед резной дубовой дверью, из-за которой то и дело раздавались хэканье, тяжелый топот, стук и глухое посвистывание. Вежливо постучавшись, он отворил створку. В комнате, отменно большой и освещенной, обнаружился богатырского сложения краснолицый бородач в съехавшей на бок широкорукавной плиссированной рубаше и облегающих чулках.

Занятие его вполне объясняло описанный шум: он воинственно размахивал здоровенной шпагой, то и дело длинным уколom вонзая ее в ростовую мишень на стене. При этом он резко выпускал воздух из бочкообразной груди, из-за чего и получался тот самый загадочный «хэк». Появление гостя его совершенно не смутило и не оторвало от сего увлекательного времяпрепровождения.

[https://storage.piter.com/upload/
new_folder/978544611951/08 Portret muzchini.jpeg](https://storage.piter.com/upload/new_folder/978544611951/08_Portret_muzchini.jpeg)

Так выглядел приличный молодой человек в начале XVI века, по мнению Альбрехта Дюрера

– Здравствуйте! Доброго утра, герр фон Фрундсберг! Как спалось? – осведомился тот, совершенно не стусевавшись, как можно было ожидать, что еще раз доказывало: он постоянный посетитель этого дома и давний знакомец его хозяина. Хозяин, не прерывая избияния мишени, откликнулся:

– Дьявол, Адам! Хэк! Сколько можно! Я две проклятых тысячи раз просил называть меня по имени! Георг! Хэк! – Вжик, вжик, – шпага убедительно просвистела, крутясь в его руке, словно подтверждая сказанное. – Я! Для! Тебя! Георг!

Хэк! – Цзвен-н-ньк! Острие глубоко впилося в квартиру²⁰. – Я же не буду звать тебя «герр Райсснер», ведь так? Хэк! – На этот раз шпага поразила секунду²¹.

– Что новенького, Адам? – Георг с натугой извлек слиш-ком глубоко вошедшее острие. – И что слышно в лагере?

– Новенького слышно много! На днях прибывает император, но да это вам известно, наверное. Молодая баронесса фон Швайнфурт чрезвычайно восторженно о вас отзывалась и велела справиться, не соизволите ли вы дать ей аудиенцию? Соизволите? В пятницу вечером? Очень хорошо, – продолжил господин, которого звали, судя по представлению хозяина дома, Адамом Райсснером, – бургомистр жалуется, что солдаты регулярно нарушают порядок в городе. За неделю четыре дебоша в кабаках и шесть жалоб на э-э-э-э-э, как изволил выразиться господин бургомистр: «на успешное покушение на девичью честь». – Георг временно перестал упражняться и бросил на Адама из-под высоко поднятых бровей полный удивления взгляд, в котором ясно читалось, что он думает про такие беспорядки, что солдаты – просто ангелы и что не из-за чего поднимать шум, а также адрес, куда бургомистр может затолкать себе свои жалобы.

²⁰ Кварта – здесь четвертый сектор в теории фехтования. Обычно соответствует области от плеча до поясницы по внешней (то есть повернутой к противнику) половине тела фехтовальщика.

²¹ Секунда – второй сектор: внешняя сторона внешней ноги фехтовальщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.